DK201
.I 8

2544

М. М. СПЕРАНСКІЙ

его жизнь и общественная дѣятельность

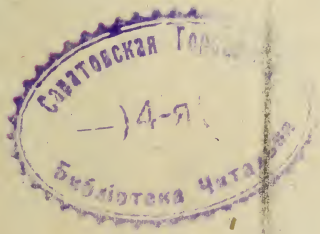
С. Н. Южаковъ

1891

1944
2544
V отд.

своей должно предъявлять къ жизни требова
римо болѣе широкія и рѣзкія? И что же! Вотъ въ
дочную суматоху, въ самый ея развалъ именно
его сынъ. Какъ теперь поступить? Какой сов
? Съ какимъ напутствіемъ поставить его перед
тыми настежь дверьми жизни?
огда слова: «совѣтъ», «напутствіе» мелькнули
вѣ, онъ почувствовалъ, что тотъ неясный сту
го, который и прежде по временамъ застига
плохъ, начинаетъ слышаться явственнѣе и явст
выдѣляются изъ тьмы нѣкоторыя очертанія, ко
окоятъ, отнимаютъ у мысли ея обычное безм
ко-жъ и на этотъ разъ дѣло ограничилось одно
ревогой. Проблески появились, освѣтили
ли другой уголъ картины и опять утону
ный результатъ отъ этихъ проблесковъ
ько одинъ: какъ ни надумыва[illegible] Гаврило
ой совѣтъ высказать сыну—н[illegible] приду
то зналъ «совѣтовъ», полн[illegible] аны ихъ
не рѣшался онъ вы[illegible]оворит[illegible] совѣты
рѣлое об[illegible] было [illegible]но, а
[illegible]

a 00001 64265 4


Саратовская Город
—)4-я
Библиотека Читателя

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK201
.I 8

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
Form No. 513			

М. М. Сперанскій.

ee
c
07
58
920
Ю-17
M. M. Speranskii
DK201
.I8
Саратовская Гор. Библіотека Читальня
6482
14-я
1849

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

М. М. СПЕРАНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

С. Н. Южакова.

Съ портретомъ М. М. Сперанскаго, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Высочайше утвержд. Товарищ. „Общ. Польза“, Б. Подъяч. 39.
1892.

Популярно-научныя книги.

Законы подражанія. *Тарда.* Переводъ съ француз. Ц. 1 р. 50 к.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена.* Ц. 60 коп.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена.* часть 1 и 2-я. Ц. каждой 50 к.

Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. 75 к.

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама.* Съ 7 рис. Ц. 40 к.

Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Грема.* Со многими рис. Ц. 2 р.

Первобытные люди. *Дебьера.* Съ многими рисунками. Ц. 1 р.

Фабричная гигіена. *В. В. Святловскаго.* 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.

Огородничество. Практическія наставленія для народныхъ учителей. *Ф. Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Который часъ? *И. Вавилова.* Популярное руководство для повѣрки часовъ безъ помощи часовщика и для устройства солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Цѣна 30 коп.

Записки желудка. Перев. съ 10 анг. изд. Ц. 50 к.

Физіологія души. *А. Герцена* професс. оз нскаго университета. Переводъ съ франц. Ц. 1 р.

Міръ грезъ. *Д-ра Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Ручной трудъ. Составилъ *Графиньи.* Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Перев. съ франц. съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ переплетѣ—2 р.

Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Переводъ съ 5-го итальян. изданія. Ц. 1 р. 50 к.

Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрическіе очерки. *Д-ра Реньяра.* Переводъ съ франц. *Эл. Зауэръ.* Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд. (60 рис.) Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* 2-е изд. Съ 100 рис. Ц. 1 р.

Телефонъ и его практическія примѣненія. *Майера* и *Присса.* Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическіе элементы. Соч. *Нюде.* Со многими рисунками. Ц. 2 р.

Электр. аккумуляторы. *Ренье.* Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Чудеса техники и электричества. *Чиколева.* 30 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева.* Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье.* Перев. *Ф. Павленкова, В. Черкасова* и *С. Степанова.* 340 рис. Ц. 1 р. 50 коп.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона.* Съ 230 рис. Ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. Ц. 2 р.

Электрическіе звонки. *Боттона.* Съ крат. свѣдѣніями о воздуш. звонкахъ. 114 рис. Ц. 1 р.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина. Ц. 75 к.

Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли.* Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Пер. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е из. Ц. 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А. Секки.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Частная медицинская діагностика. Руководство для прак. врачей. Составилъ проф. *Дакоста.* 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд. Ц. 2 р.

Психологія вниманія. Д-ра *Рибо.* Ц. 50 к.

Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера.* Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Геніальность и помѣшательство. *П. Ломброзо.* Съ портретомъ автора и рис. 2-е изд. Ц. 1 р.

Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсенъ.* Съ 43 рис. Ц. 80 к.

Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье.* Съ 34 рисун., Ц. 50 к.

Хлѣбный жукъ. Чтенія для народа, съ 3 рис. Бар. *Н. Корфа.* Ц. 10 к.

Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго.* Съ 73 рис. 2-е изд. Цѣна 60 коп.

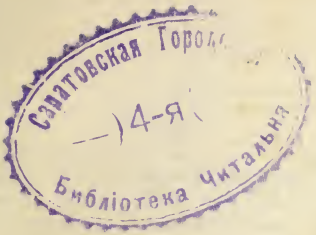
Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Волотовскаго.* Ц. 20 к.

Гигіена семьи. *Гебера.* Ц. 50 к.

Гигіена женщины. *М. Тило.* Ц. 40 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Демонъ.** Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) **Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—3) **Измаилъ Бей.** Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) **Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—5) **Бояринъ Орша.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) **Мцыри.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) **Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) **Литвинка.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) **Каллы.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—12) **Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) **Черкесы.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—14) **Джуліо.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—15) **Казначейша.** Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) **Герой нашего времени.** Съ 23 рис. Ц. 25 к.—17) **Бэла.** Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) **Тамань.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) **Княжна Мери.** Съ 9 рис. Ц. 12 к.—20) **Фаталистъ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—21) **Призракъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) **Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) **Испанцы.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—24) **Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) **Княгиня Лиговская.** Романъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—26) **Люди и страсти.** Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—27) **Странный человѣкъ.** Романтическая драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) **Два брата.** Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) **Всѣ баллады и легенды.** Съ 3 рис. Ц. 5 к.—30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Съ 9 рис. Ц. 7 к.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
Источники	. . . . .	4
Глава I.	Воцареніе Александра и возвышеніе Сперанскаго .	5
„ II.	Сперанскій—реформаторъ	21
„ III.	Проведеніе реформы и борьба	38
„ IV.	Паденіе и ссылка.	53
„ V.	Государственная дѣятельность второго періода. . .	75

ИСТОЧНИКИ.

Литература о Сперанскомъ довольно значительна и богата, но нельзя сказать, чтобы она была исчерпана или даже въ должной мѣрѣ использована въ какой либо монографіи. На иностранныхъ языкахъ можно указать на Гервинуса, Талландье, Тургенева, на автобіографію и др. Гораздо значительнѣе литература о Сперанскомъ на русскомъ языкѣ, гдѣ послѣ біографіи, составленной тридцать лѣтъ тому назадъ барономъ М. А. Корфомъ и въ свое время вполнѣ удовлетворительно воспользовавшейся имѣвшимися матеріалами и источниками, вышло много новыхъ матеріаловъ, оффиціальныхъ документовъ, мемуаровъ, частныхъ изслѣдованій и пр. Никто не предпринялъ однако труда свести эти новые матеріалы и повторить работу барона Корфа на болѣе широкихъ фактическихъ основаніяхъ. Конечно, и наше краткое жизнеописаніе Сперанскаго не можетъ претендовать восполнить этотъ пробѣлъ. По самому характеру и задачѣ всего изданія, въ которое этотъ біографическій очеркъ входитъ какъ часть въ цѣлое, тутъ не можетъ быть отведено достаточно мѣста самостоятельному изслѣдованію по источникамъ и непрокритикованнымъ матеріаламъ. Непосредственными источниками при составленіи этого біографическаго очерка послужили слѣдующія сочиненія и статьи, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія:

Корфъ М. А., баронъ. Жизнь графа Сперанскаго. 2 тт. Спб. 1861 г.

Чернышевскій Н. Г. Русскій Реформаторъ. «Современникъ» 1861 г., № 12

Погодинъ М. П. Николай Михайловичъ Карамзинъ. 2 тт. Москва. 1866 г.

Карамзинъ. О древней и новой Россіи. «Русскій Архивъ», 1870 г.

Иконниковъ В. С., проф. Графъ Мордвиновъ. Спб. 1873 г.

Романовичъ-Славатинскій, проф. Государственная дѣятельность гр. М. М. Сперанскаго. «Отечественныя Записки», 1873 г., № 4.

Ядринцевъ Н. М. Сибирь, какъ колонія. Спб. 1882 г.

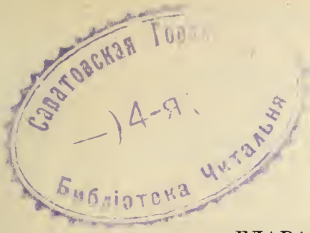
Де-Сенгленъ Ѳ. И. Записки. Части III и IV. «Русская Старина», 1883 г. № 1, 2, 3.

Пыпинъ А. Н. Общественное движеніе при Александрѣ I. Изд. 2-е. Спб. 1885 г.

Семевскій В. И. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и XIX вв. 2 тт. Спб. 1888 г.

Филипповъ А. Н. Значеніе Сперанскаго въ исторіи русскаго законодательства. «Русская Мысль», 1889 г. № 4.

С. Ю.



ГЛАВА I.

Воцареніе Александра I и возвышеніе Сперанскаго.

Отзывъ Пушкина о Сперанскомъ и начало правленія Александра I. — Общая радость при его воцареніи. — Оды Державина и Карамзина. — Общія ожиданія и надежды. — Записка Каразина. — Намѣренія Александра. — Неоффиціальный комитетъ. — Задачи новаго правительства. — Роль Сперанскаго. — Происхожденіе и рожденіе. — Родители и родные. — Дѣтство и воспитаніе. — Владимірская семинарія. — Александроневская главная семинарія (духовная академія). — Профессорство и литературные опыты. — Секретарство у Куракина. — Воцареніе Павла и служба при генералъ-прокурорахъ. — Служебные успѣхи. — Личная жизнь и характеристика.

«Въ прошлое воскресенье я обѣдалъ у Сперанскаго, отмѣчаетъ Пушкинъ въ своемъ дневникѣ (2 апр. 1834 года). — Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ царствованія Александра: *Вы и Аракчеевъ стоите въ дверяхъ противуположныхъ этого царствованія, какъ геніи зла и блага*». Такъ характеризуетъ намъ поэтъ значеніе своего знаменитаго современника. «Геній блага» въ началѣ царствованія Александра I, началѣ, столь богатомъ благими начинаніями, — этимъ очень много сказано, и художественная образность этой метафоры только ярче, рельефнѣе выступаетъ отъ сопоставленія съ «геніемъ зла», стоящимъ у противуположныхъ дверей того же правленія. А что такое было начало царствованія новаго императора Александра I и какъ оно понималось и принималось современниками, объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ источники и всѣ изслѣдованія.

Вѣсть о вступленіи императора Александра на престолъ «была въ цѣломъ государствѣ, по словамъ Карамзина, вѣстью искупленія; въ домахъ, на улицахъ люди плакали, обнимали другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенья». — «Въ Россіи Императоръ Новый!» восклицалъ тотъ же Карамзинъ въ стихахъ, написанныхъ по этому случаю:

Такъ милыя весны явленье
Съ собой приноситъ намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы:
Сердца съ природой расцвѣтаютъ
И плодъ во цвѣтѣ предвкушаютъ.
Весна у насъ, съ Тобою мы.

Это упоминаніе о «*мрачныхъ ужасахъ зимы*», которые должны быть забыты съ воцареніемъ Александра, еще недвусмысленнѣе находимъ у Державина въ одѣ на это воцареніе:

Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ.

и поэтому-то «на лицахъ Россовъ радость блещетъ».

«Серьезное, конечно, соединялось съ мелочнымъ и пошлымъ», замѣчаетъ объ этомъ времени А. Н. Пыпинъ. «Въ первые моменты царствованія, разсказываетъ Саблуковъ, общество предалось необузданно и ребячески радости. Какъ только узнали о смерти Павла, тотчасъ исчезли косички и букли, явилась строго прежде запрещенная прическа à la Titus, круглыя шляпы и сапоги съ отворотами; дамы одѣлись въ новые костюмы, на улицахъ понеслись экипажи съ запрещенною и еще не дозволенною вновь упряжью».— По другимъ разсказамъ, «Зубовъ, вскорѣ послѣ катастрофы, устроилъ для своихъ сотоварищей оргію, на которой явился во фракѣ и жилетѣ и металъ банкъ, что строго было запрещено при Павлѣ, — какъ будто весь переворотъ нуженъ былъ только для возвращенія той нравственной разнузданности, къ которой высшее барство привыкло при Екатеринѣ». Но конечно не всѣ были только Зубовы, и та сословная оппозиція императору Павлу, которая сложилась къ концу его правленія, заключала въ себѣ и Зубовыхъ и Паниныхъ. Послѣдній — графъ Никита Петровичъ, племянникъ извѣстнаго Н. И. Панина, имѣлъ широкіе преобразовательные планы. Но отъ этой оппозиціи «желавшіе только перемѣны государя, замѣчаетъ Фонъ-Визинъ, были награждены; искавшіе прочнаго устройства отдалены на вѣкъ». Оппозиція (или часть ея) имѣла задачею «прочное устройство». Александръ не одобрилъ на этотъ разъ ея стремленій, но не потому, чтобы въ то время не раздѣлялъ ихъ. Въ минуту его воцаренія это была общая ходячая мысль, которою увлекались даже консерваторы, вскорѣ съ ужасомъ отшатнувшіеся отъ первыхъ шаговъ ея осуществленія.

Державинъ въ упомянутой уже одѣ на воцареніе Александра восклицаетъ:

Народны вздохи, слезны токи,
Молитвы огорченныхъ душъ,
Какъ паръ возносятся высокій
И зарождаютъ громъ средь тучъ:
Онъ вертится, падетъ незапно
На горды зданіевъ главы.
Внемлите правдѣ сей стократно,
О власти сильныя, и вы!
Внемлите и тѣснить блюдитесь
Вамъ данный управлять народъ.

Саратовская Гор... Библіотека Читальн... 14-9

Карамзинъ не менѣе, если не болѣе, консерваторъ, чѣмъ Державинъ, выражается еще опредѣленнѣе:

Короны блескомъ ослѣпленный,
Другой въ подвластныхъ зритъ—рабовъ;
Но Ты, душою просвѣщенный,
Не терпишь стука ихъ оковъ.
Тебѣ одна любовь прелестна;
Но можно-ли рабу любить?
Ему-ли благодарнымъ быть?
Любовь со страхомъ не совмѣстна:
Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена.
Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, свобода, намъ мила
И съ пользою царей согласна,
Ты вѣчно славой ихъ была.
Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Гдѣ добрый не боясь живетъ;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый.

Въ заключеніе ода рекомендовала Александру: «Трудись, *давай уставы намъ*—и будешь первый по дѣламъ».

Если старое консервативное поколѣніе, еще не оправившееся отъ «мрачныхъ ужасовъ зимы» и еще не позабывшее «ревъ Норда сиповатый», заговорило этимъ языкомъ, то чаянія и желанія молодого поколѣнія были много опредѣленнѣе и шли дальше. «Черезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ Александра, читаемъ мы у В. И. Семевскаго, была найдена во дворцѣ восторженная записка, въ которой, между прочимъ, выражались слѣдующія чаянія отъ новаго императора: «Онъ дастъ намъ непреложные законы... Онъ повелитъ въ пространствѣ Россіи избрать старцевъ,

достойныхъ безпредѣльнѣйшей довѣренности своихъ согражданъ, и, поставивъ ихъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлитъ имъ весь избытокъ своей власти, да охраняютъ святая святыхъ отечества... Онъ первый употребитъ самовластіе на обузданіе самовластія; первый, кто по чистѣйшему движенію сердца пожертвуетъ человѣчеству собственными выгодами!.. Онъ обезпечитъ права человѣчества въ помѣщичьихъ крестьянахъ, введетъ у нихъ собственность, поставитъ предѣлы ихъ зависимости». Авторомъ записки былъ В. Н. Каразинъ, поощренный Александромъ въ его идеяхъ. Таковы были задачи и надежды, съ которыми встрѣчено было новое царствованіе. Таковы же были задачи и надежды, съ которыми и самъ молодой императоръ принималъ бразды правленія послѣ того, какъ такъ быстро, по выраженію Державина «закрылся грозный, страшный взглядъ».

«Я никогда не буду въ состояніи привыкнуть къ идеѣ царствовать деспотически», писалъ Александръ вскорѣ по воцареніи своему воспитателю Лагарпу, съ ранней юности заложившему въ его душу любовь къ свободѣ и отвращеніе къ произволу. Идея преобразовать правленіе въ Россіи была прямымъ послѣдствіемъ этого настроенія, и мы имѣемъ въ воспоминаніяхъ кн. Адама Чарторыйскаго, состоявшаго при Александрѣ въ послѣдніе годы правленія Екатерины II, весьма интересное свидѣтельство: «Великій князь (т. е. Александръ), читаемъ мы у А. Н. Пыпина, съ самаго начала оказывалъ вниманіе Чарторыйскому и, выбравъ случай для интимнаго разговора, высказалъ ему симпатію, которую внушало ему положеніе братьевъ Чарторыйскихъ при дворѣ (бывшихъ чѣмъ-то вродѣ заложниковъ), спокойствіе и покорность судьбѣ, какія они обнаруживали; говорилъ, что онъ угадывалъ и раздѣлялъ ихъ чувства, считалъ нужнымъ не скрыть отъ нихъ своихъ мнѣній, которыя не похожи на мнѣнія императрицы и двора, что онъ не раздѣляетъ ея политики, сожалѣетъ о Польшѣ, что Костюшко въ его глазахъ есть великій человѣкъ по своей добродѣтели и по справедливости дѣла, которое онъ защищалъ». «Онъ признавался мнѣ, продолжаетъ Чарторыйскій, что онъ ненавидитъ деспотизмъ вездѣ и какимъ бы образомъ онъ ни совершался, что онъ любитъ свободу и что она должна равно принадлежать всѣмъ людямъ, что онъ принималъ живѣйшій интересъ во французской революціи, что онъ хотя и осуждалъ ея страшныя заблужденія, но желалъ успѣховъ республикѣ и радуется имъ.... Его мнѣнія были мнѣнія юноши 1789 года,

который хотѣлъ бы видѣть повсюду республики и считаетъ эту форму правленія единственно сообразной съ желаніями и правами человѣчества».

Съ такими идеями и съ такимъ настроеніемъ находимъ мы Александра въ послѣдній годъ правленія Екатерины, къ которому относятся эти бесѣды съ Чарторыйскимъ. Краткое, но поучительное правленіе Павла, вслѣдъ затѣмъ послѣдовавшее, не могло ослабить въ молодомъ и впечатлительномъ принцѣ наклонности къ этимъ идеямъ и планамъ. Если такіе консерваторы, какъ Карамзинъ, заговорили о свободѣ и уставахъ, какъ прямомъ выводѣ изъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ нашего XVIII вѣка, если при самомъ дворѣ возникла и сложилась та активная оппозиція, о которой мы упомянули выше, то на Александрѣ, въ душѣ котораго почва была гораздо болѣе приготовлена къ освободительнымъ идеямъ, эти, по выраженію Карамзина, «мрачные ужасы зимы» должны были оставить болѣе глубокій слѣдъ и укрѣпить его намѣренія преобразовать Россію. «Здѣсь, писалъ онъ объ этой эпохѣ Лагарпу, капралъ предпочитается человѣку образованному и полезному». Александръ воцарился съ надеждою сдѣлать невозможнымъ повтореніе такого порядка. «Вступленіе на престолъ Александра I обѣщало Россіи свѣтлое будущее, пишетъ проф. Иконниковъ. Уже въ началѣ мая 1801 года онъ имѣлъ совѣщаніе съ близкими людьми о необходимости преобразованія политическаго строя государства, а въ іюнѣ того же года открылись засѣданія *неоффиціальнаго комитета* по разнымъ вопросамъ предполагаемой реформы. Членами означеннаго комитета были: В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцевъ, кн. Адамъ Чарторыйскій и гр. П. А. Строгановъ». Кочубей, попавшій въ опалу въ послѣднее время правленія императора Павла, былъ вызванъ изъ провинціи немедленно по воцареніи Александра, а Новосильцевъ и Чарторыйскій—изъ за границы, гдѣ первый состоялъ при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, а второй—при Сардинскомъ королѣ (бывшемъ тогда королемъ безъ королевства, отнятаго французами). «Комитетъ составился, по желанію императора, изъ лицъ, удостоившихся довѣрія, для нѣкотораго сотрудничества съ нимъ въ систематической работѣ надъ реформою «de l'édifice informe du gouvernement de l'Empire» (*какъ значится въ протоколахъ этого комитета*). Работа должна была начаться обозрѣніемъ настоящаго состоянія разныхъ частей управленія и затѣмъ рѣшено было «предпринять реформу всѣхъ различныхъ частей ад-

министраціи et enfin couronner ces différentes institutions par une garantie, offerte dans une constitution reglée d'après le veritable ésprit de la Nation». Это послѣднее и было господствующею мыслью Александра, сочувствіе къ которой онъ находилъ въ своихъ сотрудникахъ.

Вотъ съ какими задачами, планами и надеждами открывалось царствованіе Александра I, и въ это-то время, по выраженію Пушкина, Сперанскій явился «геніемъ блага», самымъ выдающимся и значительнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Обратимся же теперь къ изученію этой интересной личности и еще болѣе интересной дѣятельности.

* * *

Въ небольшой захолустной деревушкѣ Черкутинѣ, Владимірской губерніи и уѣзда, вотчинѣ кн. Салтыковыхъ, у бѣднаго приходскаго священника Михаила Васильева, не имѣвшаго даже родового прозвища, и жены его Прасковьи Федоровой, дочери мѣстнаго дьякона, родился 1 января 1772 года сынъ Михаилъ, впослѣдствіи, при поступленіи въ семинарію, получившій фамилію Сперанскаго и подъ этимъ именемъ вписавшій себя и свой скромный родъ въ исторію XIX вѣка. Родъ этотъ, по словамъ самого Сперанскаго—передаваемымъ И. И. Дмитріевымъ, извѣстнымъ баснописцемъ и министромъ юстиціи въ эпоху Сперанскаго—происходилъ изъ Малороссіи, гдѣ одинъ изъ его предковъ былъ хорунжимъ въ малороссійскомъ казачьемъ войскѣ. Біографъ Сперанскаго, бар. М. А. Корфъ сомнѣвается впрочемъ въ достовѣрности этого преданія. Достовѣрно извѣстно только, что дѣдъ Сперанскаго, священникъ Василій, священствовалъ въ томъ же Чаркутинѣ; что сынъ его, а Сперанскаго отецъ, Михаилъ былъ сначала дьякономъ тамъ же, и за годъ до рожденія будущаго государственнаго дѣятеля, въ 1771 году, получилъ тамъ же священническое мѣсто. Дѣтей отецъ Михаилъ имѣлъ не мало, но выростилъ не многихъ,—двухъ сыновей, Михаила (родившагося четвертымъ, но выросшаго вторымъ послѣ сестры Маріи) и Кузьму, и двухъ дочерей, Марію и Марѳу.

Родители Сперанскаго были люди вполнѣ заурядные, ничѣмъ не выдававшіеся въ той средѣ, въ которой жили и дѣйствовали. Отецъ былъ извѣстенъ своимъ огромнымъ ростомъ и тучностью, за что и получилъ отъ своихъ прихожанъ прозвище Омета, и от-

личался, по словамъ бар. Корфа, добродушіемъ, «очень обыкновеннымъ, почти ограниченнымъ умомъ и безъ всякаго образованія». Священникъ трезвый и исполнительный, онъ многіе годы исправлялъ должность благочиннаго, а въ 1797 году, по болѣзни и старости, оставилъ мѣсто, которое отъ него по наслѣдству получилъ его зять, священникъ, впослѣдствіи протоіерей, Михаилъ Федоровичъ Третьяковъ, женатый на его младшей дочери Маріѣ (старшая дочь Марія была замужемъ за дьячкомъ Петровымъ). Скончался отецъ Сперанскаго 28 мая 1801 г., какъ разъ въ то время, когда новое царствованіе открывало новыя перспективы его старшему сыну, уже и тогда человѣку чиновному. Сановникомъ своего сына старику увидѣть не пришлось. За то мать видѣла его и на высотѣ перваго сановника имперіи, и въ опалѣ и ссылкѣ, и снова на высотѣ. Она умерла 24 апр. 1824 года, на 84 году жизни. Біографъ Сперанскаго нашелъ объ ней сказать только, что «при маленькомъ ростѣ, проворная, живая, она отличалась особенною дѣятельностью и остротою ума; кромѣ того, всѣ въ околодкѣ уважали ее за набожность и благочестивую жизнь». Натурально вполнѣ если, какъ замѣчаетъ тотъ же біографъ, «участіе родителей въ дѣлѣ перваго воспитанія ихъ сына было самое незначительное». Единственное, что еще можно отмѣтить изъ этого ранняго періода жизни Сперанскаго, это свидѣтельство его родныхъ, что онъ былъ мальчикомъ слабаго здоровья, склоннымъ къ задумчивости, рано выучился читать и пристрастился къ чтенію, которое конечно не могло быть разнообразно въ домѣ бѣднаго и малообразованнаго сельскаго священника. Семи лѣтъ онъ былъ отвезенъ во Владиміръ и отданъ въ семинарію, гдѣ, въ виду обнаруженныхъ имъ способностей, и былъ записанъ Сперанскимъ, т. е. подающимъ надежды, Надеждинымъ.

Въ семинаріи Сперанскій учился отлично, былъ замѣченъ мѣстнымъ архіереемъ, зачисленъ имъ въ архіерейскій хоръ, что считалось отличіемъ, а ректоръ семинаріи сдѣлалъ его своимъ келейникомъ (тоже отличіе). Въ 1790 году, какъ лучшій ученикъ, онъ восемнадцати-лѣтнимъ юношей былъ отправленъ для продолженія образованія въ Петербургъ, въ главную Александро-Невскую семинарію, какъ тогда называлась духовная академія. Здѣсь тоже Сперанскій былъ изъ первыхъ учениковъ, особенно отличаясь въ наукахъ математическихъ. Преподаваніе въ этомъ высшемъ духовномъ училищѣ было тогда далеко не на высотѣ высшаго учебнаго

заведенія. Тѣмъ не менѣе именно здѣсь окончательно дисциплинировался умъ Сперанскаго, здѣсь же онъ овладѣлъ французскимъ языкомъ, открывшимъ ему доступъ къ всемірной литературѣ, и здѣсь же ему была указана эта литература однимъ изъ профессоровъ, большимъ поклонникомъ Вольтера и Дидро. Съ этого времени онъ уже начинаетъ изучать богатую философскую литературу XVIII в., читаетъ Декарта, Локка, Лейбница, энциклопедистовъ и французскихъ мыслителей XVIII в., до Кондильяка включительно. Ему въ это время начинаютъ поручать говорить проповѣди, которыя имѣютъ большой успѣхъ, въ спискахъ хранятся слушателями и переписываются любителями.

Въ 1792 году Сперанскій двадцати лѣтъ окончилъ курсъ и, замѣченный митрополитомъ Гавріиломъ, оставленъ въ Петербургѣ профессоромъ математики, физики и краснорѣчія въ той же главной семинаріи, въ которой только что окончилъ ученіе. Черезъ три года его переводятъ на каѳедру философіи и назначаютъ префектомъ семинаріи. Это было знакомъ большого отличія со стороны митрополита, потому что до него префектами главной семинаріи назначались духовныя лица. Къ этому времени его профессорской дѣятельности относится завершеніе его философскаго образованія и его первые литературные опыты. Это были большею частью небольшія разсужденія на философскія темы. Одно изъ нихъ «О силѣ, основѣ и естествѣ» было впослѣдствіи, по смерти Сперанскаго, напечатано въ «Москвитянинѣ» 1842 г. Кромѣ того, имъ написано въ это время руководство для своихъ учениковъ по каѳедрѣ краснорѣчія, подъ заглавіемъ «Правила высшаго краснорѣчія». Оно тоже не было напечатано при жизни Сперанскаго и сохранилось не вполнѣ. На составленіе этого руководства можно указать не только какъ на признакъ развитія умственныхъ интересовъ, но и какъ на свидѣтельство особой добросовѣстности въ исполненіи своихъ обязанностей, которая всегда и потомъ отличала Сперанскаго.

Въ это же время, т. е. въ послѣдніе годы правленія Екатерины II, произошла въ жизни скромнаго академическаго профессора перемѣна, проложившая ему дорогу на совершенно иное поприще. Одному изъ екатерининскихъ вельможъ, князю А. Б. Куракину, понадобился домашній секретарь для завѣдыванія его обширною служебною и частною перепискою. Митрополитъ Гавріилъ рекомендовалъ ему профессора Сперанскаго, нуждавшагося въ средствахъ въ виду бѣдности его родныхъ, которымъ онъ всегда по-

сильно помогалъ. «Для испытанія молодому человѣку велѣно было явиться однажды къ восьми часамъ вечера, и Куракинъ поручилъ ему написать одиннадцать писемъ къ разнымъ лицамъ, употребивъ около часа на одно изъясненіе на словахъ того, что слѣдовало сказать въ каждомъ письмѣ. Сперанскій, чтобы немедленно заняться порученнымъ ему дѣломъ, безъ потери времени въ переходахъ въ отдаленную семинарію, а оттуда опять назадъ, остался на ночь у Иваноза (своего земляка и пріятеля, служившаго и жившаго у Куракина) и тутъ же написалъ всѣ одиннадцать писемъ, такъ что къ шести часамъ утра они уже лежали на столѣ у Куракина. Князь сперва не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, что дѣло уже выполнено, а потомъ, прочтя письма и видя какъ они мастерски изложены, еще болѣе изумился, расцѣловалъ Иванова (также съ своей стороны рекомендовавшаго Сперанскаго) за пріисканный ему кладъ и тотчасъ принялъ къ себѣ Сперанскаго». Блестящія способности, обнаруженныя на этой частной службѣ, проложили Сперанскому дорогу и на службу государственную, когда при Павлѣ его патронъ получилъ большое служебное значеніе.

Изъ этого періода частной секретарской службы у Куракина (что не мѣшало ему оставаться профессоромъ и въ семинаріи) слѣдуетъ отмѣтить не очень многое. Положеніе его было не очень много выше старшей прислуги, съ которою онъ и обѣдалъ и съ которою сохранилъ и впослѣдствіи пріязненныя отношенія. Сблизился же въ это время онъ особенно съ гувернеромъ молодого князя, нѣмцемъ Брюкнеромъ, который очень полюбилъ Сперанскаго и проводилъ въ бесѣдахъ съ нимъ все свободное время. Брюкнеръ былъ человѣкъ рѣзкихъ либеральныхъ мнѣній, послѣдователь Вольтера и энциклопедистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ глубокими и многосторонними свѣдѣніями. Подъ его вліяніемъ окончательно сложилось то политическое міросозерцаніе Сперанскаго, которое потомъ сказалось въ обширныхъ реформаторскихъ планахъ при императорѣ Александрѣ I. Вѣроятно вліянію того же Брюкнера, пользовавшагося большимъ довѣріемъ князя и княгини, Сперанскій обязанъ и тѣмъ, что ему было поручено преподаваніе русскаго языка малолѣтнему племяннику кн. Куракина, Сергѣю Уварову, впослѣдствіи графу и министру народнаго просвѣщенія, навсегда сохранившему самыя теплыя и сердечныя отношенія къ своему бывшему наставнику.

Въ 1796 году скончалась Екатерина II и воцарился Павелъ, радикально измѣнившій весь составъ правительства. Князь Кура-

кинъ былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ Правительствующаго Сената. Въ то время, когда еще не существовало министерствъ и всѣ дѣла по всѣмъ вѣдомствамъ проходили черезъ сенатъ, должность генералъ-прокурора была самою важною въ государственномъ механизмѣ. Генералъ-прокуроръ докладывалъ императору всѣ дѣла, проходившія черезъ сенатъ, т. е. всѣ дѣла внутренняго управленія по всѣмъ вѣдомствамъ, кромѣ военнаго. Куракинъ, назначенный генералъ-прокуроромъ, былъ сначала въ большой милости у императора, который 19 дек. 1796 года пожаловалъ ему Александровскую ленту, 5 апрѣля 1797 г.—чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, 4 окт. 1797 г.—брильянтовые знаки Александровскаго ордена, а 19 дек. 1797 г.—Андреевскую ленту. Это быстрое возвышеніе завершилось такимъ же быстрымъ паденіемъ. Въ слѣдующемъ 1798 году Куракинъ впалъ въ немилость, былъ смѣненъ со всѣхъ должностей и сосланъ въ деревню. Въ бытность свою у власти Куракинъ успѣлъ однако прочно устроить своего бывшаго домашняго секретаря и вознаградить его за оказанныя имъ услуги. Какъ магистръ и профессоръ, Сперанскій былъ опредѣленъ въ канцелярію генералъ-прокурора прямо съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Быстро повышаясь въ чинахъ и орденахъ, Куракинъ также быстро повышалъ и Сперанскаго, котораго, при своемъ паденіи, оставилъ уже коллежскимъ совѣтникомъ и на должности экспедитора (правителя дѣлъ). На мѣсто Куракина былъ назначенъ кн. Лопухинъ, на его мѣсто Беклешовъ, потомъ Обольяниновъ. Быстрое возвышеніе и паденіе было удѣломъ всѣхъ сановниковъ при императорѣ Павлѣ, но всѣ четыре генералъ-прокурора не могли не цѣнить рѣдкихъ способностей молодого чиновника, и карьера Сперанскаго не прерывалась этими катастрофами на верху, въ сферахъ сановныхъ, до которыхъ онъ еще не достигъ За это время онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники, получилъ 2000 десятинъ въ Саратовской губерніи и орденъ. Въ это же время, кромѣ своей должности въ канцеляріи генералъ-прокурора, онъ былъ секретаремъ коммисіи по снабженію столицы хлѣбомъ (гдѣ предсѣдателемъ былъ наслѣдникъ престола великій князь Александръ), а также секретаремъ Андреевскаго ордена. Таковы были успѣхи Сперанскаго на служебномъ поприщѣ въ кратковременное, но неспокойное правленіе императора Павла. Вся эта многосторонняя служебная дѣятельность, а особенно служба въ генералъ-прокурорской канцеляріи, гдѣ сосредоточивалось, какъ сказано, все

внутреннее управленіе страны, было отличною школою для будущаго государственнаго дѣятеля. Школа эта однако была не изъ легкихъ, въ виду особыхъ свойствъ того времени. «При всѣхъ четырехъ генералъ-прокурорахъ, разсказывалъ впослѣдствіи самъ Сперанскій, различныхъ въ характерахъ, нравахъ, способностяхъ, былъ я, если не по имени, то на самой вещи, правителемъ ихъ канцеляріи. Одному надобно было угождать такъ, другому—иначе; для одного достаточно было исправности въ дѣлахъ, для другого болѣе того требовалось: быть въ пудрѣ, въ мундирѣ, при шпагѣ, и я былъ—всяческая во всемъ. Послѣ Беклешова самъ государь предостерегалъ противъ меня его преемника, полагая меня въ связяхъ съ Куракинымъ и Беклешовымъ и имъ преданнымъ; но генералъ-прокуроръ горою за меня стоялъ и находилъ необходимымъ имѣть при себѣ. Беклешовъ былъ ихъ всѣхъ умнѣе, но и всѣхъ несчастнѣе — ему ничего не удавалось; всѣхъ ихъ менѣе имѣлъ способностей Обольяниновъ—и ему все съ рукъ сходило».

Выдающіяся способности дѣлали Сперанскаго необходимымъ, и потому его карьера была обезпечена и безъ обычнаго въ то время искательства и угодливости. Извѣстны факты, доказывающіе, что въ это время Сперанскій не отличался этими качествами, а умѣлъ сохранять нравственную независимость, для того времени очень значительную. Извѣстно, напр., что когда Куракинъ впалъ въ немилость и опалу, первымъ движеніемъ Сперанскаго было тоже оставить службу и послѣдовать за опальнымъ вельможею, покровительству котораго онъ былъ обязанъ первыми служебными успѣхами. Самъ Куракинъ съ трудомъ отклонилъ Сперанскаго отъ этого благороднаго рѣшенія. Въ другомъ родѣ, но не менѣе характерны свѣдѣнія о его отношеніяхъ къ грубому и деспотичному Обольянинову. «Сперанскій много наслышался о грубомъ и запальчивомъ нравѣ новаго своего начальника. Въ городѣ ходилъ не одинъ анекдотъ о площадныхъ ругательствахъ, которыми онъ осыпалъ своихъ подчиненныхъ, и друзья молодого чиновника пугали его предстоявшею ему будущностью... Нашъ экспедиторъ понималъ, что многое должно будетъ рѣшиться первымъ свиданіемъ, первымъ впечатлѣніемъ: и вотъ, въ назначенный день и часъ, онъ является въ переднюю грознаго своего начальника. О немъ докладываютъ, его велѣно впустить. Обольяниновъ, когда Сперанскій вошелъ, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, спиною къ двери. Черезъ минуту онъ оборотился и, такъ

сказать, остолбенѣлъ. Вмѣсто неуклюжаго, раболѣпнаго, трепещущаго подъячаго, какого онъ вѣроятно думалъ увидѣть, передъ нимъ стоялъ молодой человѣкъ очень приличной наружности, въ положеніи почтительномъ, но безъ всякаго признака робости или замѣшательства и притомъ—что, кажется, всего болѣе его поразило—не въ обычномъ мундирѣ, а во французскомъ кафтанѣ изъ сѣраго грограна, въ чулкахъ и башмакахъ, въ жабо и манжетахъ, въ завиткахъ и пудрѣ, словомъ въ самомъ изысканномъ нарядѣ того времени... Сперанскій угадалъ, чѣмъ взять надъ этою грубою натурою. Обольяниновъ тотчасъ предложилъ ему стулъ и вообще обошелся съ нимъ такъ вѣжливо, какъ только умѣлъ». Сперанскій этимъ способомъ хотѣлъ показать Обольянинову, что онъ «не то, что другіе» (собственныя слова Сперанскаго объ этомъ случаѣ), другими словами, что онъ не изъ тѣхъ, съ которыми возможно грубое и необузданное обращеніе. Способъ былъ очень смѣлый и рискованный, но въ этомъ случаѣ онъ достигъ цѣли. «Представьте себѣ, говоритъ по этому поводу Н. Г. Чернышевскій, какое впечатлѣніе было бы произведено и теперь на важнаго сановника, еслибы безродный маленькій чиновникъ явился къ нему съ первымъ докладомъ не въ должностномъ костюмѣ, а въ простомъ фракѣ. Тогда это было еще опаснѣе. Сперанскій рисковалъ не только быть выгнаннымъ изъ службы,—онъ рисковалъ быть отданнымъ подъ судъ, удаленнымъ изъ Петербурга, и никто уже не согласился бы принять вновь на службу дерзкаго вольнодумца». Для Сперанскаго важно было лишь первое время умѣть себя поставить, а затѣмъ онъ зналъ, что сдѣлается необходимымъ. Дѣйствительно, по отзыву современниковъ, онъ очень скоро сталъ «приближеннымъ къ особой и отличной довѣренности Обольянинова», который, какъ мы выше видѣли, не внялъ предостереженіямъ самого императора. Многочисленные отзывы и свидѣтельства современниковъ, собранные въ книгѣ барона Корфа, единогласно указываютъ на блестящія способности, какъ на главную причину быстрыхъ служебныхъ успѣховъ Сперанскаго, а его нравственную физіономію дорисовываютъ, характеризуя его человѣкомъ, «ко всѣмъ привѣтливымъ, непритязательнымъ, милымъ, краснословнымъ, наконецъ чрезвычайно любимымъ товарищами». Нельзя не отмѣтить еще тѣхъ немногихъ данныхъ, которыми мы располагаемъ для характеристики отношенія Сперанскаго къ своему служебному дѣлу. «Безъ всякой дѣловой школы, замѣчаетъ его біо-

6482.

1849

графъ, безъ другого приготовленія, кромѣ домашней переписки у Куракина (біографъ здѣсь слишкомъ мало цѣнитъ высшее образованіе и философское развитіе, которое отличало Сперанскаго въ средѣ тогдашняго чиновничества), онъ съ учительской кафедры ступилъ прямо на постъ дѣлопроизводителя такой канцеляріи, которая одна совмѣщала въ себѣ почти всѣ нынѣшнія министерства. Молодой человѣкъ учился въ пылу самой работы, и каждое дѣло, каждая бумага, каждый вопросъ распространялъ кругъ его свѣдѣній въ области, до тѣхъ поръ совершенно для него новой... Впрочемъ *тогдашній* Сперанскій соединялъ въ себѣ два, нѣкоторымъ образомъ, противуположныя качества: съ одной стороны, навыкъ отъ прежней сферы занятій къ глубокомысленному размышленію и труду самому усидчивому; съ другой—энтузіазмъ и увлеченіе, легко воспламенявшіеся каждымъ новымъ предметомъ или впечатлѣніемъ,—качества двухъ полюсовъ: ученаго и поэта. Въ сослуживцахъ его большею частью не было ни того, ни другого. Онъ не могъ не чувствовать своего превосходства надъ ними и даже иногда выражалъ его, не таясь, по крайней мѣрѣ въ откровенныхъ бесѣдахъ съ друзьями. *Больно мнѣ, другъ мой*,— пророчески писалъ онъ одному изъ нихъ въ началѣ 1801 года—*если смѣшаете вы меня съ обыкновенными людьми моего рода: я никогда не хотѣлъ быть въ толпѣ и конечно не буду.* Но такая самоувѣренность не мѣшала ему любить людей и вѣрить имъ, какъ по врожденному чувству, такъ и потому, что еще не испытывалъ никакихъ разочарованій. *Дай Богъ*, сказано въ другомъ его письмѣ того же года, *чтобы ко мнѣ имѣли столько довѣрія, сколько я къ другимъ имѣю*... Бывали однако и такія минуты, уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ опредѣленія его въ службу, въ которыхъ проглядывали отчасти неудовольствіе или нетерпѣливость. Такъ, отъ 19 января 1801 г., онъ писалъ: *я живу по прежнему, т. е. въ хлопотахъ или въ скукѣ, два препровожденія обыкновеннаго м его времени*, а въ письмѣ къ другому лицу, около той же эпохи (т. е. послѣднее время правленія императора Павла), мы находимъ слѣдующее мѣсто: *я боленъ, мой другъ, и въ безконечныхъ хлопотахъ. Пожалѣй о человѣкѣ, котораго всѣ просятъ, который всѣмъ хочетъ добра и рѣдкому сдѣлать его можетъ, и рвется тѣмъ сильнѣе, что положеніе его многихъ обманываетъ,—положеніе, а не сердце. Пожалѣй о человѣкѣ, которому столько завидуютъ.* Тутъ

видна (продолжаетъ отъ себя бар. Корфъ) борьба съ тѣснящими внѣшними обстоятельствами: сознавая свои силы и свои достоинства, Сперанскій жаждалъ высшей дѣятельности, а вмѣсто того ему приходилось вращаться въ озабочивающихъ мелочахъ канцелярскаго производства» и къ тому же, прибавимъ мы, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ государственныя и общественныя дѣла въ это время генералъ-прокурорства Обольянинова идутъ по наклонной плоскости и во всякомъ случаѣ не согласно съ тѣми воззрѣніями и мнѣніями, которыя,—при его философскомъ образованіи и политическомъ направленіи,—онъ могъ себѣ составить.

Героемъ Сперанскій не былъ въ эту эпоху, какъ никогда онъ и не будетъ, но онъ былъ безусловно честнымъ человѣкомъ, горячо преданнымъ благу человѣчества и своимъ убѣжденіямъ и не менѣе горячо желавшимъ «высшей дѣятельности» для осуществленія своихъ въ тиши кабинета выработанныхъ завѣтныхъ идей. «Сперанскій непритворно желалъ осуществить то, въ пользѣ чего былъ убѣжденъ», замѣчаетъ о немъ Чернышевскій.

Такою рисуется передъ нами молодость Сперанскаго въ этотъ подготовительный періодъ его жизни, если мы разсматриваемъ эту жизнь по отношенію къ тому дѣлу общественнаго и государственнаго служенія, которое въ послѣдующіе періоды его жизни сдѣлало его имя историческимъ и знаменитымъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Еще симпатичнѣе представляется эта личность, когда мы оглянемся на частную и семейную жизнь. Мы уже упоминали о его заботахъ о своихъ родителяхъ, о тепломъ и пріятельскомъ отношеніи къ прислугѣ кн. Куракина и послѣ того, какъ ихъ бывшій сотрапезникъ сталъ важнымъ чиновникомъ и даже сановникомъ *), о хорошихъ воспоминаніяхъ, оставленныхъ имъ въ

*) Объ этихъ любопытныхъ и благородныхъ отношеніяхъ находимъ у бар. Корфа слѣдующія свѣдѣнія: «Кромѣ Брюкнера, Сперанскій, въ тогдашнемъ своемъ положеніи (домашняго секретаря у Куракина), пріятельски сошелся съ двумя камердинерами общаго ихъ барина (?): Львомъ Михайловымъ и крѣпостнымъ человѣкомъ кн. А. И. Лобанова-Ростовскаго, Иваномъ Марковымъ, тоже, по должности своей, не маловажными лицами въ домѣ. Оба часто имѣли возможность и случай оказывать ему разныя услуги и онъ никогда не забывалъ ихъ одолженій. Льва Михайлова Сперанскій, уже бывъ государственнымъ секретаремъ и на высшей степени власти, во всякое время охотно къ себѣ допускалъ и осыпалъ ласками. Съ Иваномъ Марковымъ онъ снова встрѣтился уже позже, въ бытность свою Пензенскимъ губернаторомъ. Марковъ, давно оставившій домъ Куракиныхъ, имѣлъ тогда въ Пензѣ

памяти мелкихъ сослуживцевъ своихъ этого времени. Можно было-бы прибавить еще не мало подобныхъ симпатичныхъ чертъ, разбросанныхъ въ матеріалахъ и отзывахъ о немъ. Но еще характернѣе и важнѣе его бракъ, заключенный именно въ эти послѣдніе годы императора Павла. Въ это время Сперанскій былъ уже на такой дорогѣ, что могъ разсчитывать на самую блестящую будущность, а слѣдовательно и на блестящую партію, которая укрѣпила-бы его положеніе, дала-бы ему, безродному поповичу, связи и опору въ чиновномъ и сановномъ мірѣ. Карьеристъ конечно такъ и поступилъ-бы. Онъ даже выждалъ-бы время, чтобы, еще возвысившись, имѣть еще лучшія связи въ заключенной партіи. Сперанскій же женился по любви на бѣдной англичанкѣ Елисаветѣ Андреевнѣ Стивенсъ, дочери гувернантки, безъ связей и состоянія. Онъ горячо любилъ жену и былъ, по всѣмъ свидѣтельствамъ, очень счастливъ съ нею, но и года не прошло этому счастью, какъ она умерла отъ скоротечной чахотки, оставивъ мужу грудную дочь, да свою мать, его тещу, особу необузданнаго и невыносимаго характера. Ударъ, нанесенный этою кончиною, былъ тѣмъ ужаснѣе, что Сперанскій былъ мало приготовленъ къ нему. «Мужъ, съ своей стороны, тоже не видѣлъ ничего опаснаго въ ея нездоровьи, разсказываетъ бар. Корфъ,—даже въ ту минуту, когда обожаемая имъ жена, послѣ одиннадцатимѣсячнаго супружества, испускала послѣдній вздохъ,

---

какую-то надобность до начальника губерніи и ожидалъ въ передней въ числѣ другихъ просителей. Сперанскій, выйдя изъ своего кабинета, тотчасъ его узналъ и, бросясь къ нему со словами: «Иванъ Марковичъ, старый знакомый!» сталъ его обнимать и разсказалъ въ общее услышаніе о прежнихъ отношеніяхъ. Вотъ еще одинъ анекдотъ въ томъ же родѣ и не болѣе важный въ существѣ, но столько же поясняющій характеръ человѣка. Главная прачка въ домѣ Куракиныхъ, жена одного изъ поваровъ, усердно стирала незатѣйливое бѣлье молодого секретаря, который изъ благодарности былъ воспріемникомъ одного изъ ея сыновей и въ день крестинъ провелъ у нея цѣлый вечеръ. Много лѣтъ спустя, Сперанскій однажды гулялъ съ своею дочерью по набережной на Аптекарскомъ островѣ. Въ ту пору прачка, выполоскавъ бѣлье въ рѣкѣ, возвращалась черезъ набережную въ домъ. Завидѣвъ гуляющихъ и тотчасъ узнавъ знакомаго, она хотѣла было отойти въ сторону, чтобы не сконфузить его при молодой дамѣ своимъ знакомствомъ. Но Сперанскій, который тоже тотчасъ припомнилъ и наружность, и даже имя ея, закричалъ: *Марѳа Тихоновна, куда жъ ты такъ отъ меня бѣжишь? Развѣ не узнаешь стараго пріятеля?* И, подозвавъ ближе къ себѣ, онъ взялъ ее за руку и сказалъ ей нѣсколько тѣхъ пріятныхъ и ласковыхъ словъ, на которыя былъ такой мастеръ».

*

онъ былъ по службѣ въ Павловскѣ и при предсмертныхъ ея страданіяхъ находилась одна г-жа Вейкардтъ. Когда Сперанскій возвратился домой, онъ нашелъ остывшій трупъ. Оставивъ у изголовья дочери записку, въ которой нарекалъ ее, по бабкѣ и по матери, именемъ Елисаветы и написавъ нѣсколько строкъ... съ просьбою не отыскивать его нигдѣ — онъ изчезъ. Первая мысль была, что несчастный лишилъ себя жизни. Но на слѣдующее утро онъ съ всклокоченными волосами, съ страшно измѣнившимся лицомъ явился въ свое жилище, приложился къ тѣлу и опять исчезъ. Такъ повторялось все время, пока тѣло лежало въ домѣ. Онъ приходилъ по утру, приходилъ вечеромъ, лобызалъ дорогой прахъ и снова пропадалъ. Даже послѣдній долгъ покойной (она погребена на Смоленскомъ кладбищѣ) былъ отданъ безъ него, и съ этого времени онъ не возвращался болѣе домой и не показывался ни на службѣ, ни у знакомыхъ. Уже только черезъ нѣсколько недѣль его отыскали въ глуши, на одномъ изъ Невскихъ острововъ, совершенно углубленнаго въ свою печаль».

Сознаніе своихъ обязанностей передъ дочерью, а быть можетъ и передъ своими убѣжденіями, возвратило однако Сперанскаго къ жизни и дѣятельности и спасло отъ самоубійства, къ которому онъ былъ очень близокъ одно время. Отчаяніе перваго времени улеглось, перешло въ тихую печаль и благоговѣйное почитаніе памяти покойной Елисаветы Андреевны, которой онъ остался вѣренъ всю жизнь. Овдовѣвъ двадцати семи лѣтъ, послѣ одиннадцатимѣсячнаго супружества, Сперанскій остался вдовцомъ на всю остальную долгую жизнь свою (онъ умеръ шестидесяти семи лѣтъ), хотя было время, когда онъ могъ-бы выбирать между первыми невѣстами имперіи. Любовь къ дочери и преданность своимъ идеямъ и планамъ замѣнили ему отнынѣ всѣ радости семейной жизни.

Наступало, между тѣмъ, для Сперанскаго время проявить эту преданность и возвѣстить эти планы.

ГЛАВА II.

Сперанскій — реформаторъ.

Сперанскій при Трощинскомъ и Кочубеѣ. — Приближеніе къ Александру. — Поѣздка въ Эрфуртъ. — Порученіе проэктировать планъ общей политической реформы. — Обзоръ плана Сперанскаго. — Раздѣленіе властей, вертикальное (власти законодательная, судебная и исполнительная) и горизонтальное (управленіе мѣстное и государственное). — Децентрализація законодательства, суда и администраціи. — Организація центральныхъ государственныхъ установленій. — Государственная дума.—Сенатъ. Министерство.—Государственный Совѣтъ.— Характеристика плана.—Обзоръ нѣкоторыхъ возраженій.

12 марта 1801 года вступилъ на престолъ императоръ Александръ I, и черезъ недѣлю, 19 марта, состоялся указъ Сенату: «Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть при нашемъ тайномъ совѣтникѣ Трощинскомъ, у исправленія дѣлъ, на него по довѣренности нашей возложенныхъ, статскому совѣтнику Сперанскому съ званіемъ нашего статсъ-секретаря». Трощинскій же, до собранія неоффиціальнаго комитета, члены котораго въ это время были еще разсѣяны по Европѣ и Россіи, былъ первымъ приближеннымъ молодого императора, черезъ него начавшаго осуществлять свои намѣренія. Такимъ образомъ съ первыхъ шаговъ Сперанскій очутился въ самомъ центрѣ труда по этому осуществленію, хотя покуда еще въ роли простого исполнителя и редактора. Изъ того ряда мѣропріятій и указовъ, которыми въ первые годы правленія Александра ликвидировалось наслѣдіе предыдущаго царствованія и открывались впервые перспективы устроенія будущаго на иныхъ началахъ, къ этому времени сотрудничества Сперанскаго съ Трощинскимъ относятся слѣдующіе: о свободномъ пропускѣ ѣдущихъ въ Россію и отъѣзжающихъ изъ нея; отмѣна запрещенія на вывозъ за-границу хлѣба и вина; отмѣна запрещенія ввозить изъ за-границы всякія книги и музыкальныя ноты; распечатаніе частныхъ типографій, запрещенныхъ при Павлѣ, и дозволеніе имъ печатать книги и журналы; манифестъ о возстановленіи жалованныхъ грамотъ дворянству; манифестъ о возстановленіи городового положенія и грамоты, данной городамъ; манифестъ объ уничтоженіи тайной экспедиціи и объ облегченіи участи преступниковъ; осво-

божденіе священниковъ и дьяконовъ отъ тѣлеснаго наказанія; указъ президенту Академіи Наукъ о неприниманіи для напечатанія въ вѣдомостяхъ объявленій о продажѣ людей безъ земли; указъ сенату о представленіи ему особаго доклада о правахъ его и обязанностяхъ; образованіе коммисіи составленія законовъ и др. Въ это же время былъ образованъ впервые Государственный Совѣтъ, гдѣ Сперанскій, съ сохраненіемъ званія статсъ-секретаря, былъ назначенъ начальникомъ экспедиціи по части гражданской и духовной. «Трощинскій поручалъ Сперанскому, независимо отъ его обязанностей по Совѣту, составленіе всѣхъ манифестовъ, указовъ и пр., которыми такъ обиловало начало царствованія Александра I» и нѣкоторые изъ которыхъ нами выше перечислены.

Такъ дѣла шли втеченіе 1801 и частью 1802 гг. 8 сент. этого послѣдняго вышелъ указъ объ учрежденіи министерствъ, совершенно измѣнившій порядокъ высшаго управленія. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ гр. Кочубей, а докладчикомъ по дѣламъ комитета министровъ — Новосильцевъ. Отнынѣ на нѣсколько лѣтъ вся власть и сила сосредоточились въ этомъ неоффиціальномъ кружкѣ приближенныхъ императора. Мы знаемъ уже, какими задачами задавался этотъ кружокъ и самъ императоръ во главѣ его. Кочубей, уже раньше знакомый со Сперанскимъ, намѣтилъ его въ свои ближайшіе сотрудники. «Еще до изданія манифеста Сперанскій сказался больнымъ, пересталъ являться къ должности и, по порученію Кочубея, втайнѣ занялся разными приготовительными работами къ предстоявшему образованію его будущаго министерства», такъ что одновременно съ манифестомъ объ учрежденіи министерствъ, того же 8 сентября состоялось повелѣніе о назначеніи статсъ-секретаря дѣйствительнаго статскаго совѣтника (не задолго произведеннаго) Сперанскаго производителемъ дѣлъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Теперь уже многое зависѣло отъ иниціативы Сперанскаго, съ которымъ его министръ былъ единомышленникъ и котораго умѣлъ высоко цѣнить. Сперанскій, по словамъ его біографа, «понималъ, что многое у насъ не хорошо. и пытался замѣнить худое лучшимъ». Сдерживающимъ элементомъ являлся отчасти Кочубей, «по своему характеру менѣе рѣшительный, чѣмъ его наперсникъ, хотя вполнѣ сочувствовавшій стремленіямъ послѣдняго». «Во всякомъ случаѣ, заключаетъ бар. Корфъ, министерство внутреннихъ дѣлъ далеко опередило другія и стало на первую степень во вновь

образованной машинѣ государственной администраціи». Пять лѣтъ (1802—1807 гг.) пробылъ Кочубей въ должности министра внутреннихъ дѣлъ и въ сотрудничествѣ съ Сперанскимъ было совершено въ это время министерствомъ очень многое благое и не мало и такого, что имѣетъ и историческое значеніе. Въ это время именно министерствомъ внутреннихъ дѣлъ составлены и проведены такія мѣропріятія, какъ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, положеніе о евреяхъ, разрѣшеніе вольнаго соляного промысла, преобразованіе медицинскаго дѣла, одесское рог о franco, почтовое преобразованіе и мн. др., менѣе значительное. «Всѣ проэкты новыхъ постановленій писаны Сперанскимъ» сообщаетъ бар. Корфъ. Онъ же составлялъ годовые отчеты императору, впервые печатавшіеся во всеобщее свѣдѣніе.

Императоръ не могъ не обратить вниманія на работы Сперанскаго, тѣмъ болѣе что Кочубей самъ выдвигалъ своего сотрудника и не закрывалъ его собою. Такъ, въ случаѣ нездоровья онъ посылалъ его съ докладомъ къ императору. Онъ же далъ совѣтъ Александру еще въ 1803 году поручить Сперанскому составить планъ общаго образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи. Частое недомоганіе Кочубея въ 1806 году открыло Сперанскому возможность быть ближе узнаннымъ Александромъ, котораго не удовлетворяли плоды дѣятельности неоффиціальнаго комитета по дѣлу о проэктированіи общей политической реформы. Въ Сперанскомъ императоръ нашелъ человѣка, горячо преданнаго тѣмъ же преобразовательнымъ идеямъ, но гораздо лучше вооруженнаго и по широкому философскому образованію, и по большему знакомству съ русскою дѣйствительностью, и наконецъ по замѣчательнымъ выдающимся дарованіямъ, творческому уму, громадному трудолюбію. Для громаднаго дѣла реформы, которую Александръ въ это время считалъ еще произведеніемъ своего правленія, былъ нуженъ именно такой человѣкъ, какъ Сперанскій. И Александръ нашелъ его и быстро приблизилъ къ себѣ. Въ 1806 г. Сперанскій вошелъ въ личныя сношенія съ императоромъ, а въ 1807 году, еще до отставки Кочубея, онъ уже былъ отчисленъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и, какъ статсъ-секретарь, остался лично при императорѣ для исполненія его порученій. Масса работъ по законодательству и управленію прошла въ это время черезъ руки Сперанскаго. О нихъ мы упомянемъ ниже, чтобы теперь остановить преимущественное вниманіе на главныхъ зада-

чахъ, возложенныхъ въ это время на него Александромъ и выполненіе которыхъ и составляетъ ту кардинальную черту въ жизни и дѣятельности Сперанскаго, которая сдѣлала его имя знаменитымъ и историческимъ, а его личность подвергло столькимъ превратностямъ.

Въ 1808 году Сперанскій сопровождалъ Александра въ его поѣздкѣ въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ. Здѣсь однажды Александръ обратился къ нему съ вопросомъ, какъ ему нравится за границею. Сперанскій отвѣчалъ: *у насъ люди лучше, но здѣсь лучше установленія.* «Это и моя мысль, замѣтилъ императоръ; мы еще поговоримъ о томъ, когда воротимся». Когда они возвратились, въ томъ же 1803 году Сперанскому дано было порученіе составить планъ общей политической реформы. Происхожденіе этого порученія и самое его исполненіе самъ Сперанскій такъ излагаетъ въ письмѣ къ Александру изъ Пермской ссылки: «въ концѣ 1808 года, послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, Ваше Величество начали занимать меня постоянно предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ Вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ Вамъ дошедшія, и нерѣдко удостоивали провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся. Изъ всѣхъ сихъ упражненій, отъ стократныхъ можетъ быть разговоровъ и разсужденій В. В—а надлежало наконецъ составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія. Въ существѣ своемъ онъ не содержитъ ничего новаго; но идеаламъ, съ 1801 г. занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе. Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы. Втеченіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ занимаясь почти ежедневно разсмотрѣніемъ его, послѣ многихъ перемѣнъ дополненій и поправленій, В. В. положили наконецъ приводить его въ дѣйствіе».

Такъ былъ задуманъ и составленъ этотъ проэктъ положеній реформы. «Въ видѣ вступленія къ ея разрѣшенію, говоритъ Корфъ, Сперанскій представилъ обширную записку, почти цѣлую книгу, о свойствѣ и предметахъ законовъ государственныхъ вообще, о раздѣленіяхъ на преходящіе и коренные или неподвижные, и о примѣненіи тѣхъ и другихъ къ разнымъ степенямъ власти. Потомъ онъ при-

нялся, съ свойственнымъ ему жаромъ, за составленіе полнаго плана новаго образованія государственнаго управленія во всѣхъ его частяхъ, отъ кабинета Государева до волостного правленія... Работа создавалась подъ перомъ смѣлаго редактора съ изумительною быстротою. Не далѣе октября 1809 года весь планъ уже лежалъ на столѣ Александра. Октябрь и ноябрь прошли въ ежедневномъ почти разсмотрѣніи разныхъ его частей, въ которыхъ Государь дѣлалъ свои поправки и дополненія. Наконецъ положено было приступить къ приведенію плана въ дѣйствіе».

Въ чемъ же заключался этотъ знаменитый планъ «смѣлаго» (какъ выражается бар. Корфъ) реформатора? Въ самомъ началѣ своего *Введенія* авторъ проэкта обращается къ исторіи.

О времени Петра Великаго Сперанскій выражается: «Во внѣшнихъ формахъ, данныхъ правительству при Петрѣ I, нисколько не думали о свободѣ политической, но Петръ, открывая дорогу наукамъ и торговлѣ, тѣмъ самымъ открывалъ путь и свободѣ. Не имѣя никакого яснаго намѣренія дать Россіи политическое бытіе, этотъ государь приготовилъ для него путь уже тѣмъ однимъ, что онъ имѣлъ инстинктъ цивилизаціи». Упомянувъ затѣмъ объ извѣстной попыткѣ верховниковъ при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны и не добромъ помянувъ время Елисаветы Петровны, этотъ историческій обзоръ переходитъ къ Екатеринѣ II: «Настало наконецъ царствованіе Екатерины II. Все, что сдѣлано было въ другихъ странахъ для устройства сословныхъ собраній, все, что политическіе писатели того времени предлагали наилучшаго для содѣйствія успѣху свободы, все, что пытались сдѣлать во Франціи втеченіе двадцати пяти лѣтъ для предупрежденія того великаго переворота, настоятельность котораго предвидѣли,—все это Екатерина употребила при устройствѣ коммисіи объ уложеніи. Созваны были депутаты націи, и созваны въ строгихъ формахъ національнаго представительства; для этого собранія составленъ былъ наказъ, заключавшій въ себѣ собраніе лучшихъ политическихъ истинъ того времени; ничто не было забыто, чтобы облечь это собраніе всѣми гарантіями свободы и всѣми аттрибутами достоинства, чтобы дать ему, чтобы дать Россіи, которую оно представляло, политическое бытіе. Но все это было такъ незрѣло, такъ преждевременно, что только величіе первой мысли и блескъ послѣдовавшихъ военныхъ и политическихъ подвиговъ могли спасти попытку отъ всеобщаго неодобренія. Съ тѣхъ поръ мысли Ека-

терины II, какъ это можно видѣть по ея дальнѣйшему образу дѣйствій, совершенно измѣнились. Неуспѣхъ этой попытки, кажется, охладилъ ее и, такъ сказать, устрашилъ ее отъ внутреннихъ политическихъ реформъ». Изъ временъ императора Павла, къ которому вслѣдъ затѣмъ обращается Сперанскій, отмѣчается законъ о престолонаслѣдіи, а также законъ, «который устанавливаетъ за правило, что крестьяне должны работать не больше трехъ дней въ недѣлѣ. Это былъ первый законъ, обнаружившій благопріятное расположеніе къ крестьянамъ, со времени ихъ подчиненія землевладѣльцамъ». Указавъ затѣмъ на указы императора Александра о правѣ всѣхъ сословій владѣть землею, о свободныхъ хлѣбопашцахъ, объ освобожденіи Лифляндскихъ крестьянъ и объ учрежденіи министерствъ съ отвѣтственностью, Сперанскій изъ всего этого историческаго обзора дѣлаетъ выводъ, что Россія идетъ къ свободѣ.

«Всѣ жалуются—замѣчаетъ далѣе Сперанскій въ томъ же *Введеніи*—на смѣшеніе, которое царствуетъ въ нашихъ гражданскихъ законахъ; но гдѣ средства улучшить ихъ, ввести въ нихъ желаемый порядокъ, когда мы не имѣемъ законовъ политическихъ! Къ чему служатъ законы, опредѣляющія права собственности каждаго, когда сама эта собственность не имѣетъ никакого прочнаго и опредѣленнаго основанія?... Жалуются на безпорядокъ въ финансахъ, но можно-ли хорошо устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ публичнаго кредита, гдѣ не существуетъ никакого политическаго учрежденія, которое могло бы обезпечивать его прочность? Жалуются на медленность, съ какою распространяется просвѣщеніе, промышленность; но гдѣ принципъ, который могъ бы оживотворить ихъ?» По поводу распространенія просвѣщенія, записка обращается не только къ политическимъ реформамъ, но и къ крѣпостному праву: «Къ чему послужитъ рабу просвѣщеніе? Къ тому только, чтобы яснѣе обозрѣлъ онъ всю горесть своего положенія». «Упомянувъ о томъ, сообщаетъ В. И. Семевскій, что было время, когда теперешніе крѣпостные могли имѣть собственность и пользовались правомъ перехода съ мѣста на мѣсто, Сперанскій замѣчаетъ, что хотя «рабы всегда и вездѣ существовали (въ самыхъ республикахъ число ихъ равнялось почти числу гражданъ, а участь ихъ тамъ была еще горше, нежели въ монархіяхъ), но что «не должно однако же изъ сего заключать, чтобы рабство гражданское было необходимо. Мы видимъ, напротивъ, государства обширныя и многонаселенныя, въ

коихъ рабство сего рода мало по малу уничтожилось. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы и въ Россіи не могло оно уничтожиться, если приняты будутъ къ тому дѣйствительныя мѣры. Но чтобы сіи мѣры были дѣйствительны, онѣ должны быть постепенны. Гражданская свобода имѣетъ два главные вида: свобода личная и свобода вещественная. Существо первой состоитъ въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: 1) безъ суда никто не можетъ быть наказанъ; 2) никто не обязанъ отправлять личную службу иначе, какъ по закону, а не по произволу другого». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту своего труда авторъ полагаетъ: «Первое изъ сихъ положеній даетъ крѣпостнымъ людямъ право суда и, отъемля его отъ помѣщиковъ, ставитъ ихъ наравнѣ со всѣми передъ закономъ. Второе предложеніе отъемлетъ право отдавать въ службу безъ очереди. На сихъ двухъ основаніяхъ утверждается личная свобода». Затѣмъ авторъ продолжаетъ: «Существо свободы второго рода, т. е. вещественной, основано на слѣдующихъ положеніяхъ: 1) всякій можетъ располагать своею собственностью по произволу, сообразно общему закону; безъ суда собственности никто лишенъ быть не можетъ; 2) никто не обязанъ отправлять вещественной службы, ни платить податей и повинностей иначе, какъ по закону или по условію, а не по произволу другого». То, что затѣмъ слѣдуетъ, мы находимъ въ рукописи Сперанскаго въ двухъ редакціяхъ: первая, болѣе рѣшительная, зачеркнута авторомъ и вмѣсто нея написано совершенно другое».

Если мы вспомнимъ вышеприведенное мѣсто изъ Пермскаго письма Сперанскаго и затѣмъ цитированное намъ сообщеніе бар. Корфа, то не должны-ли мы видѣть въ этихъ двухъ редакціяхъ слѣдовъ этихъ «перемѣнъ, дополненій и поправленій», сдѣланныхъ Александромъ? Въ первой редакціи Сперанскій требуетъ, чтобы помѣщики были немедленно лишены права наказывать крѣпостныхъ безъ суда и сдавать ихъ въ рекруты безъ очереди, чтобы установлены были крестьянскіе суды и наконецъ чтобы повинности крестьянъ были опредѣлены особымъ закономъ. Во второй редакціи учрежденіе сельскихъ судовъ и точное опредѣленіе повинностей не выражаются уже столь категорически и вообще рѣшеніе вопроса, поставленное слишкомъ теоретически, практически отодвигается на задній планъ. Достойно отмѣтить впрочемъ, что Сперанскій высказывается противъ безземельнаго освобожденія.

Таковы тѣ свѣдѣнія объ историко-теоретическомъ *Введеніи*,

сообщаемыя А. Н. Пыпинымъ и В. И. Семевскимъ, которое было предпослано Сперанскимъ самому законопроэкту, въ сентябрѣ 1809 года поднесенному Александру и въ декабрѣ того же года получившему одобреніе послѣдняго. Законопроэктъ Сперанскаго извѣстенъ въ печати лишь въ общихъ чертахъ и съ большими пробѣлами, но и того, что уже извѣстно, достаточно, чтобы судить объ общемъ характерѣ всего труда и чтобы признать за его авторомъ замѣчательную теоретическую стройность мысли, строго выдержанной на всемъ протяженіи плана. Нельзя не согласиться также съ проф. Романовичемъ-Славатинскимъ и гг. Пыпинымъ и Филипповымъ, что планъ этотъ ставитъ Сперанскаго въ число самыхъ передовыхъ политическихъ мыслителей своего времени, т. е. перваго десятилѣтія XIX в.

Во главу реформы было положено строгое раздѣленіе власти на законодательную, административную и судебную, и не менѣе строгое проведеніе принципа раздѣленія властей на мѣстныя и центральныя. Эти правильныя, такъ сказать, вертикальныя и горизонтальныя дѣленія всего государственнаго политическаго механизма создаютъ замѣчательно отрадную и послѣдовательную систему, начинающуюся въ волостныхъ учрежденіяхъ и кончающуюся высшими правительственными учрежденіями имперіи. Волостное управленіе точно такъ же дѣлится на органы законодательства суда и администраціи, какъ вслѣдъ за тѣмъ уѣздное, губернское и наконецъ государственное. Съ другой стороны, законодательная власть точно такъ же имѣетъ четыре степени (волостное законодательство, уѣздное, губернское, государственное), какъ и судебная и административная. Каждая территоріальная единица, совмѣщая въ своихъ учрежденіяхъ всѣ органы политической жизни, могла бы такимъ образомъ свои мѣстныя нужды, по скольку онѣ не зависятъ отъ нуждъ, общихъ и другимъ территоріальнымъ единицамъ, удовлетворять и устраивать по своимъ желаніямъ и потребностямъ, не обременяя своими чисто мѣстными дѣлами ни центральнаго правительства, ни даже ближайшихъ мѣстныхъ высшихъ степеней. Эта *децентрализація* законодательства, суда и администраціи должна была дать самой центральной власти возможность направлять съ должнымъ вниманіемъ тѣ важнѣйшія государственныя дѣла, которыя сосредоточивались бы въ ея органахъ и которыя не были бы заслоняемы массою текущихъ мелкихъ дѣлъ мѣстнаго интереса. Эта идея децентрализаціи была тѣмъ замѣчатель-

нѣе, что вовсе не стояла еще на очереди у западно-европейскихъ политическихъ мыслителей, которые больше занимались разработкою вопросовъ о центральномъ управленіи. Это было время крайняго развитія всепоглощающей бюрократической централизаціи во Франціи, организованной Первою Республикою и достигшею крайняго своего выраженія при Первой Имперіи. Съ другой стороны, и консервативная легитимная Австрія одобрила и все сильнѣе развивала ту же систему полицейско-бюрократической централизаціи, такъ что оба направленія, демократическое и консервативное, боровшіяся въ это время за господство въ Европѣ, одинаково опирались на централизацію и одинаково развивали и усиливали бюрократическую опеку. Тѣмъ больше чести политическому творчеству нашего реформатора, что всѣ эти западные примѣры, примѣръ самого Наполеона, не помѣшали ему установить болѣе правильный взглядъ на отношенія центральнаго и мѣстнаго управленія.

Низшею единицею управленія и самоуправленія является, по плану Сперанскаго, *волость*, а затѣмъ послѣдовательно—*уѣздъ* и *губернія* съ вышеупомянутымъ подраздѣленіемъ властей въ каждой изъ этихъ единицъ.

Центральное государственное управленіе равнымъ образомъ составляется изъ трехъ независимыхъ учрежденій: государственной думы (власть законодательная), сената (власть судебная) и министерства (власть административная). «Въ этихъ трехъ учрежденіяхъ, говоритъ Сперанскій, заключаются всѣ государственныя власти или силы: законодательство ввѣрено государственной думѣ; судъ или судебная часть—сенату; администрація—министерству. Дѣятельность этихъ трехъ учрежденій соединяется въ Государственномъ Совѣтѣ и черезъ него восходитъ къ престолу».

Сенатъ —высшее судебное учрежденіе имперіи. Онъ раздѣляется на департаменты уголовные и гражданскіе и имѣетъ мѣстопребываніе въ Петербургѣ и Москвѣ (по два департамента). Въ позднѣйшей редакціи предполагалось даже четыре мѣстопребыванія: Петербургъ, Москва, Кіевъ и Казань. Число членовъ его опредѣлено закономъ. Сенаторы занимаютъ свои должности пожизненно, т. е. не смѣняемы. Засѣданія сената публичны, его рѣшенія печатаются. Всѣ судебныя дѣла подлежатъ ревизіи сената, но изъ свѣдѣній,

сообщаемыхъ А. Н. Пыпинымъ, не видно, въ какомъ порядкѣ подлежатъ они ревизіи, въ кассаціонномъ или аппеляціонномъ. Имѣя въ виду, что первою общею инстанціей является въ планѣ судебной реформы уѣздный судъ, а второю аппеляціонною — судъ губернскій, позволительно заключить, что подъ «ревизіею» судебныхъ рѣшеній проэктъ разумѣлъ производство кассаціонное. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что предсѣдатели судовъ уѣзднаго и губернскаго, назначаемые правительствомъ (члены, какъ сказано, избираются думами), не должны были быть предсѣдателями въ судебныхъ засѣданіяхъ, но лишь «блюстителями законныхъ формъ и производства». Не указываетъ-ли и это на кассаціонное значеніе сенатской ревизіи? Иначе, куда же долженъ обращать свои протесты этотъ «блюститель законности» въ судопроизводствѣ?.. Изъ этихъ, къ сожалѣнію слишкомъ краткихъ, свѣдѣній, которыми мы располагаемъ о судебной реформѣ, все-таки видно, что самое главное изъ того, что было осуществлено черезъ полвѣка въ судебныхъ уставахъ 20 ноября 1864 года уже было въ общихъ чертахъ намѣчено Сперанскимъ въ 1809 году: отдѣленіе мирового посредническаго разбирательства (волостные судьи) отъ общаго формальнаго; три судебныя инстанціи общаго судоустройства; судъ присяжныхъ для первой инстанціи и частью для мирового суда; независимость суда (либо избраніе, либо пожизненность); гласность и публичность, — всѣ эти основные принципы судебной реформы 1864 г. уже находимъ и у Сперанскаго. Отсутствуетъ только состязательность процесса, но надо помнить, что мы имѣемъ очень отрывочныя свѣдѣнія о планѣ судебнаго преобразованія Сперанскаго и что самъ этотъ планъ, именно во всемъ, что касается суда, постоянно ссылается на законы, имѣющіе впослѣдствіи опредѣлить подробности. Это только основныя начала реформы.

Судебная іерархія дополняется верховнымъ уголовнымъ судомъ, состоящимъ при сенатѣ и созываемымъ для сужденія государственныхъ преступленій, а также преступленій, совершенныхъ министрами, членами государственнаго совѣта, сенаторами, генералъ-губернаторами. Верховный уголовный судъ составляется изъ членовъ государственнаго совѣта, государственной думы и сената.

Административная власть увѣнчивается министерствомъ, какъ

судебная — сенатомъ... Министерства, какъ упомянуто, были образованы еще въ 1802 г., по плану неоффиціальнаго комитета, но планъ этотъ страдалъ многими недостатками. Къ тому же, хотя и неоффиціальный комитетъ имѣлъ въ виду общую политическую реформу въ томъ же направленіи, какъ и Сперанскій, тѣмъ не менѣе надлежало согласовать учрежденія о министерствахъ со всѣмъ планомъ, выработаннымъ Сперанскимъ. По мнѣнію послѣдняго, эти учрежденія страдали тремя недостатками, подлежавшими устраненію и преобразованію: 1) *Недостаткомъ отвѣтственности*, которая «не должна состоять только въ словахъ, но быть вмѣстѣ и существенною»; 2) *недостаткомъ точности распредѣленія дѣлъ*, причемъ Сперанскій указываетъ многочисленные примѣры совершеннаго смѣшенія вѣдомствъ и большой путаницы въ дѣлахъ, отсюда неизбѣжно происходящей; 3) *недостаткомъ учрежденій*, т. е. самой организаціи: «Ни внутри министерствъ, ни въ частяхъ, отъ нихъ зависящихъ, не сдѣлано никакого правильнаго образованія», пишетъ Сперанскій. Отсюда произошло, что дѣла, не бывъ раздѣлены на свои степени, всѣ по прежнему стекаются въ однѣ руки и естественно производятъ пустое многодѣяніе и безпорядокъ. Время главнаго начальника безпрестанно пожирается тѣмъ, что̀ долженъ бы былъ дѣлать одинъ изъ низшихъ его подчиненныхъ; развлеченное же множествомъ текущихъ дѣлъ вниманіе не можетъ обозрѣть ихъ въ цѣлости и вмѣсто того, чтобы остановиться на главныхъ и существенныхъ усмотрѣніяхъ, безпрестанно разсѣевается въ мелкомъ надзорѣ исполненія. На этихъ основахъ и былъ выработанъ проэктъ учрежденія министерствъ. Все остальное вошло въ уставъ о министерствахъ, изданный въ 1810 и 1811 годахъ, и въ общихъ чертахъ дѣйствуетъ и донынѣ.

Мы уже знаемъ, что вся іерархія власти увѣнчивалась, по проэкту, *Государственнымъ Совѣтомъ*, черезъ который все должно было восходить къ престолу. Сама организація государственнаго совѣта, предполагавшаяся въ проэктѣ 1809 года, была осуществлена въ положеніи объ его учрежденіи 1810 г. «Въ порядкѣ государственныхъ установленій, гласитъ это положеніе, совѣтъ составляетъ *сословіе*, въ коемъ всѣ части управленія *въ*

главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству соображаются и чрезъ него восходятъ къ верховной Императорской Власти». Уже это общее опредѣленіе указываетъ на государственный совѣтъ, какъ на преимущественно законодательное учрежденіе, какъ-бы на верхнюю палату ревизующую при этомъ и дѣятельность министерства. Это видно изъ постановленій *Положенія:* «*всѣ* законы, уставы и учрежденія... предлагаются и разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ и *потомъ* дѣйствіемъ Державной Власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію». Эти отмѣченныя нами выраженія «всѣ» и «потомъ» ясно указываютъ, что по первоначальному положенію никакая законодательная мѣра не могла быть издана, не разсмотрѣнная и не одобренная Г. Совѣтомъ. Императоръ конечно могъ и не утверждать мнѣній и рѣшеній совѣта, но самая формула ихъ утвержденія («внявъ мнѣнію государственнаго совѣта») показывала, что замѣнить эти мнѣнія и рѣшенія иными было бы несогласно съ *Положеніемъ*. Законодательное значеніе, созданное такимъ образомъ для государственнаго совѣта, было очень важно, и едва-ли совѣтъ могъ бы нѣкогда пріобрѣсти достаточный политическій авторитетъ, чтобы стать въ уровень этихъ политическихъ задачъ. Какъ своего рода политическій буферъ между новыми учрежденіями, еще не успѣвшими установить свои отношенія, онъ могъ быть полезенъ, но едва-ли прерогативы, ему предназначавшіяся, не превосходили мѣру, соотвѣтственную такой задачѣ. Государственному совѣту сверхъ того предоставлялось: разсмотрѣніе и одобреніе общихъ внутреннихъ мѣръ (въ порядкѣ исполнительномъ) «въ чрезвычайныхъ случаяхъ»; контроль за внѣшнею политикою, «когда, по усмотрѣнію обстоятельствъ, внѣшнія мѣры могутъ подлежать общему соображенію»; государственные бюджеты и отчеты всѣхъ министерствъ.

Члены государственнаго совѣта присутствовали-бы въ верховномъ уголовномъ судѣ. Важнѣйшія должности въ административной и судебной іерархіи, если онѣ не были выборныи, замѣщались-бы министрами съ утвержденія государственнаго совѣта. Такова была по проэкту, а частью и по *Положенію 1810 г.*, компетенція государственнаго совѣта. Организація

совѣта предполагалась та же самая, что осуществилась въ *Положеніи 1810 г.*; совѣтъ былъ раздѣленъ на четыре департамента, —1) законовъ, 2) дѣлъ военныхъ, 3) дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ и 4) государственной экономіи, изъ которыхъ въ каждомъ по особому предсѣдателю. Въ общемъ собраніи предсѣдательство принадлежало Императору, или лицу по его назначенію. Это назначеніе полагалось возобновлять ежегодно. Для производства дѣлъ совѣта была учреждена государственная канцелярія изъ статсъ-секретарей подъ главнымъ управленіемъ государственнаго секретаря, докладывающаго въ общемъ собраніи, представляющаго журналы совѣта на Высочайшее усмотрѣніе и завѣдывающаго всею исполнительною частью.

Такою была въ общихъ чертахъ политическая реформа, проэктированная въ 1809 году Сперанскимъ и охватывающая собою весь государственный и общественный строй Россіи того времени. Крѣпостное состояніе, судъ, администрація, законодательство, учрежденія мѣстныя и центральныя, — все нашло себѣ мѣсто и разрѣшеніе въ этой грандіозной работѣ, оставшейся памятникомъ политическихъ дарованій, далеко выходящихъ за уровень даже высоко талантливыхъ людей. Сперанскаго назвали-бы геніемъ, если-бы его реформа получила осуществленіе и успѣхъ. Геній умѣетъ не только проэктировать, но и осуществлять, или по крайней мѣрѣ знаетъ пути, ведущіе къ осуществленію. И единственно этотъ дефектъ громадной работы Сперанскаго, дефектъ ея неосуществленія и неосуществимости при данныхъ условіяхъ и данными способами, и препятствуетъ назвать Сперанскаго геніемъ, хотя по силѣ умственнаго творчества, по быстротѣ и громадности работы, по ея законченности и логическому совершенству, авторъ ея возвышается до черты генія.

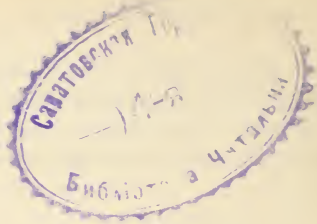
Нѣкоторые критики Сперанскаго упрекаютъ его въ томъ, что онъ недостаточно выдвинулъ крестьянскую реформу. Другіе за то, будто онъ не сознавалъ, что политическая реформа, т. е. перераспредѣленіе власти, осуществима лишь послѣ того, какъ въ національномъ строѣ совершилось перераспредѣленіе политической силы; до того же новыя формы не дадутъ новаго содержанія. Нѣкоторыя мѣста изъ его *второго* «Введенія», которымъ мы до

сихъ поръ не пользовались вовсе, свидѣтельствуютъ, что упреки эти неосновательны, посколько они указываютъ на *несознаніе* Сперанскимъ этихъ двухъ истинъ. «Отношенія, въ которыя поставлены оба эти класса (крестьяне и ихъ помѣщики), читаемъ мы у Сперанскаго, окончательно уничтожаютъ всякую энергію въ русскомъ народѣ. Интересъ дворянства требуетъ, чтобы крестьяне были ему совершенно подчинены; интересъ крестьянъ состоитъ въ томъ, чтобы дворяне были такъ же подчинены коронѣ... Престолъ всегда представляется крѣпостнымъ, какъ единственный противовѣсъ имуществу ихъ господъ». Сперанскій такимъ образомъ вполнѣ ясно сознавалъ, что крѣпостное состояніе было несовмѣстимо съ политическою свободою, потому что интересъ дворянства, нуждавшагося въ сильномъ правительствѣ для подчиненія крестьянъ, и крестьянства—видѣвшаго въ сильномъ правительствѣ единственный тормазъ, обуздывающій произволъ господъ—равно противорѣчили политической свободѣ. «Такимъ образомъ, пишетъ дальше Сперанскій, Россія, раздѣленная на различныее классы, истощаетъ свои силы въ борьбѣ, которую эти классы ведутъ между собою, и оставляетъ правительству весь объемъ безграничной власти. Государство, устроенное такимъ образомъ—т. е. на раздѣленіи враждебныхъ классовъ—если оно и будетъ имѣть то или другое внѣшнее устройство,—тѣ и другія грамоты дворянству, грамоты городамъ, два сената и столько же парламентовъ,—есть государство деспотическое, и пока оно будетъ состоять изъ тѣхъ же элементовъ (враждующихъ сословій), ему невозможно будетъ быть государствомъ монархическимъ».

Сознаніе необходимости, въ интересахъ самой политической реформы, упразднить крѣпостное право, а равно и *сознаніе* необходимости чтобы перераспредѣленіе власти соотвѣтствовало перераспредѣленію политической силы, совершенно явствуетъ изъ этого разсужденія.

Такимъ обрзомъ Сперанскій долженъ быть освобожденъ отъ вышеупомянутыхъ упрековъ въ несознаніи и непониманіи значенія крѣпостнаго права и распредѣленія дѣйствительной политической силы въ государствѣ. Какъ теоретикъ, онъ стоялъ вполнѣ на высотѣ выпавшей на его долю задачи. Тѣмъ интереснѣе и за-

гадочнѣе это совпаденіе такой ясной и смѣлой теоретической мысли съ такимъ полнымъ крахомъ всего дѣла геніальнаго реформатора. Исторія этого краха и тѣхъ тяжкихъ превратностей, которыя выпали на долю смѣлаго творца реформы, мы изложимъ на слѣдующихъ страницахъ.



ГЛАВА III.

Проведеніе реформы и борьба.

Всемогущество Сперанскаго и его отношеніе къ своей власти и положенію. — Его одиночество. — Его труды. — Гражданское уложеніе. — Организація духовно-учебнаго дѣла и уставъ духовныхъ академій. — Лифляндское крестьянское дѣло. — Устроеніе Финляндіи и Боргосскій сеймъ. — Указы о придворныхъ званіяхъ и объ экзаменахъ на чины. — Царскосельскій лицей. — Финансовые планы Сперанскаго. — Таможенный тарифъ. — Отношеніе къ контрольной системѣ. — Внѣшняя политика. — Первые шаги политической реформы. — Учрежденіе государственнаго совѣта. — Преобразованіе министерства. — Проэктъ преобразованія сената. — Ростъ оппозиціи, колебанія Александра, начало разномыслія и подготовленіе паденія Сперанскаго.

Періодъ 1808—1811 годовъ былъ эпохой наивысшаго значенія и вліянія Сперанскаго, о которомъ именно въ это время извѣстный Жозефъ-де-Местръ писалъ, что онъ «первый и даже единственный министръ» имперіи. За это время Сперанскій, по порученію Александра I, составилъ планъ общей политической реформы, которая охватила весь строй политическихъ и гражданскихъ отношеній. Законодательство, судъ, администрація (отъ волости до высшихъ учрежденій), крѣпостное состояніе,—ничего не было забыто въ этомъ планѣ. Въ ноябрѣ 1809 года императоръ одобрилъ планъ и рѣшилъ постепенно приводить его въ исполненіе. Реформа государственнаго совѣта (1810 г.), роформа министерствъ (1810 — 1811 г.), реформа сената (1811 — 1812 г.) явились другъ за другомъ изъ-подъ пера Сперанскаго, какъ первые шаги этого общаго плана. Этого одного было-бы достаточно, чтобы занять время самаго богато-одареннаго человѣка; но если этотъ человѣкъ считаетъ возможнымъ работать по восемнадцати часовъ въ сутки (какъ то дѣлывалъ Сперанскій), то этимъ жестокимъ насиліемъ надъ природой и организмомъ онъ можетъ конечно еще значительно увеличить количество труда. Кромѣ замѣчательнаго здоровья, кромѣ блестящихъ дарованій, необходимо для этого и

много той глубокой преданности своимъ идеямъ и планамъ, которая граничитъ съ религіозною вѣрой. Въ этотъ періодъ своей кипучей дѣятельности Сперанскій, очевидно, съ избыткомъ обладалъ и такимъ желѣзнымъ здоровьемъ, и такою религіозною преданностью своимъ идеямъ, а дарованія, нерѣдко возвышавшіяся до черты геніальности, оплодотворяли эти неслыханные труды. Гражданское уложеніе, финляндская конституція, крестьянское дѣло въ Лифляндіи, учрежденіе царскосельскаго лицея, преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній, уставъ духовныхъ академій, таможенный тарифъ наконецъ, замѣчательные финансовые планы, впервые внесшіе порядокъ и научную систему въ управленіе русскими финансами, — таково самое краткое исчисленіе лишь самыхъ важныхъ трудовъ Сперанскаго за это время.

Богатый государственными трудами, самыми многосторонними и самыми важными, этотъ періодъ въ жизни Сперанскаго въ высшей степени бѣденъ служебными и иными личными успѣхами. Произведенный, еще до приближенія къ власти, въ 1801 году, въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Сперанскій за все десятилѣтіе, когда, состоя сначала при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Кочубеѣ, потомъ при Александрѣ I, располагалъ громадною властью и вліяніемъ, получилъ всего въ общемъ порядкѣ чинопроизводства въ 1809 г. чинъ тайнаго совѣтника и никакихъ матеріальныхъ гарантій своей независимости въ будущемъ, хотя такія гарантіи въ видѣ всемилостивѣйшихъ пожалованій и были тогда общимъ правиломъ. Сперанскій не послѣдовалъ этому правилу и съ высоты своей власти палъ въ 1812 году такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ за десять лѣтъ до того, до приближенія къ власти. Не болѣе того заботился Сперанскій о пріобрѣтеніи и другихъ гарантій своего положенія, вродѣ установленія связей и отношеній съ вліятельными вельможами того времени. Овдовѣвъ молодымъ человѣкомъ, Сперанскій, какъ мы уже знаемъ, остался навсегда вдовцомъ. Будучи первымъ послѣ императора человѣкомъ въ имперіи, тридцати съ небольшимъ лѣтъ, онъ отличался къ тому же привлекательною наружностью, симпатичнымъ характеромъ и, по общему свидѣтельству, имѣлъ успѣхъ среди женщинъ. Однако, оставаясь романтически вѣренъ памяти жены, Сперанскій не попробовалъ закрѣпить свое положеніе брачными узами съ аристократіей. Столь же мало приложилъ онъ старанія и заботы объ укрѣпленіи дружескихъ связей съ вельможнымъ и сановнымъ мі-

ромъ, охотно искавшимъ этой дружбы Описавъ скромное жилище Сперанскаго, баронъ Корфъ такъ продолжаетъ: «Жилищу соотвѣтствовалъ весь образъ жизни—скромный, тихій, уединенный. Еще во время служенія своего въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ наперсникъ Кочубея былъ довольно недоступенъ. Эта недоступность извинялась многодѣліемъ... Впослѣдствіи, когда императоръ Александръ приблизилъ его къ себѣ, Сперанскій, оставаясь попрежнему болѣе работникомъ, нежели царедворцемъ, еще рѣже сталъ показываться въ свѣтѣ... Вспоминая въ Перми объ этой эпохѣ своей жизни, Сперанскій разсказывалъ, какъ онъ работалъ нерѣдко по восемнадцати часовъ въ сутки и до того разстроилъ свое здоровье, что не могъ подъ конецъ употреблять пищи, не принявъ напередъ лекарства, а временами по цѣлымъ недѣлямъ не могъ разогнуть спины».

При такой работѣ конечно некогда было устанавливать связи въ высшемъ обществѣ, гдѣ имъ были недовольны за это и онъ не имѣлъ партіи. Скромная обстановка, болѣе нежели скромныя средства, уединенный образъ жизни, весь посвященный государственнымъ дѣламъ. громадные труды и гордая нравственно-независимая изолированность отъ придворнаго, вельможнаго и сановнаго міра съ его интригами и партіями; наконецъ, отсутствіе всякой заботы о личной карьерѣ и рѣдкая преданность заботамъ о государственныхъ и общественныхъ нуждахъ, въ такихъ чертахъ вырисовывается жизнь и личность Сперанскаго въ этотъ періодъ его силы и власти. Немудрено, если его личная карьера оказалась вскорѣ столь непрочною. Немудрено также, если плоды его заботъ и трудовъ на пользу государственную и общественную оказались въ то же время столь обильны, разнообразны и благодѣтельны. И чѣмъ выше и серьезнѣе было значеніе его государственной дѣятельности, тѣмъ превратность его личной карьеры должна была обнаружиться быстрѣе и трагичнѣе. Остановимся вкратцѣ на дѣятельности Сперанскаго, чтобы затѣмъ перейти къ жестокимъ превратностямъ личной жизни русскаго реформатора.

«Изъ мысли Александра I дать своему государству новое органическое устройство, читаемъ мы у бар. Корфа, естественно истекала и мысль о составленіи законовъ гражданскихъ». Александръ сначала поручилъ это дѣло извѣстному Екатерининскому вельможѣ и дѣятелю, гр. Завадовскому; дѣло не клеилось и было передано въ министерство юстиціи, гдѣ министромъ въ это

время былъ кн. Лопухинъ (прежній генералъ-прокуроръ, см. выше гл. II), а товарищемъ самый талантливый и образованный членъ неоффиціальнаго комитета, Новосильцевъ. Коммисія составленія уложенія была организована на широкихъ основахъ. Подъ непосредственнымъ руководствомъ Новосильцева, главное завѣдываніе работами было поручено ученому нѣмецкому юристу барону Густаву Розенкампфу. Это было въ 1803 году. Дѣло однако не двигалось, и въ осень 1808 года состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи Сперанскаго членомъ коммисіи. «Это назначеніе было тяжелымъ ударомъ для Розенкампфа, пишетъ бар. Корфъ. При Лопухинѣ и Новосильцевѣ онъ умѣлъ поставить себя въ независимое положеніе и, распоряжаясь въ коммисіи полнымъ хозяиномъ, мечталъ о славѣ быть единственнымъ законодателемъ Россіи, а еще болѣе объ ожидавшихъ его за то почестяхъ и наградахъ. И вотъ, честолюбивые замыслы его были потрясены въ основаніи: онъ очень хорошо зналъ дѣятельность и дарованія новаго члена совѣта коммисіи, зная и то, что Сперанскій поступаетъ въ нее не съ цѣлью быть празднымъ свидѣтелемъ чужихъ трудовъ. Не трудно поэтому понять, что Розенкампфомъ, при его тщеславномъ, наклонномъ къ интригѣ и мечтательномъ характерѣ, съ самой первой минуты овладѣла глубокая ненависть къ человѣку, такъ внезапно ставшему на его пути, и что уже никакія дѣйствія этого человѣка не могли найти себѣ пощады передъ его судомъ». Отмѣчаемъ эту черту, потому что вскорѣ разные вельможные враги Сперанскаго воспользовались этою тупою ненавистью нѣмецкаго гелертера, чтобы добыть противъ Сперанскаго и его дѣятельности аргументы и «отъ науки».

Назначеніе Сперанскаго состоялось 8 августа, затѣмъ послѣдовала поѣздка въ Эрфуртъ, а вскорѣ по возвращеніи Сперанскій былъ назначенъ на мѣсто Новосильцева товарищемъ министра юстиціи, съ спеціальнымъ порученіемъ взять въ свое вѣдѣніе и руководство коммисію законовъ. Составъ ея и штатъ были немедленно преобразованы, и 8 февраля 1809 года проэктъ уложенія гражданскихъ законовъ былъ готовъ вчернѣ, а съ 1 мая, когда собрался новый совѣтъ коммисіи (Сперанскій, Лопухинъ, Завадовскій, Новосильцевъ, Чарторыйскій, Потоцкій, Алексѣевъ и Карнѣевъ), былъ уже внесенъ на ея разсмотрѣніе. Въ разсмотрѣніи, исправленіяхъ и печатаніи прошла остальная часть 1809 года, а 1 января 1810 года, при самомъ открытіи госу-

дарственнаго совѣта первая часть гражданскаго уложенія была внесена въ государственный совѣтъ. Сама коммисія получила преобразованіе; она, съ *директоромъ* Сперанскимъ во главѣ, была причислена къ государственному совѣту, а ея собственный совѣтъ упраздненъ. По мѣрѣ того, какъ государственный совѣтъ разсматривалъ, при дѣятельномъ участіи Сперанскаго, первую часть, подготовлялась и редактировалась вторая (право вещественное) и третья (право договорное). Какъ шла эта громадная работа, сообщаетъ бар. Корфъ: «Розенкампфъ еще упражнялся въ составленіи предварительныхъ проэктовъ, но участіе его въ томъ оставалось уже безъ всякихъ результатовъ для дѣла. Все, что онъ писалъ, было безпощадно мараемо Сперанскимъ и большею частью передѣлываемо заново. Впрочемъ какъ уже не существовало никакихъ предварительныхъ комитетовъ или совѣтовъ, то все, подъ собирательнымъ именемъ коммисіи законовъ, ограничивалось личною работою его директора. Первая и вторая части были разсмотрѣны и одобрены государственнымъ совѣтомъ втеченіе 1810 года, но затѣмъ дѣло затянулось, и третья часть разсматривалась уже послѣ паденія Сперанскаго. Уложеніе это, какъ извѣстно, никогда не стало закономъ, какъ многое изъ трудовъ Сперанскаго, брошенныхъ съ его паденіемъ. Самъ Сперанскій впослѣдствіи не былъ особенно высокаго мнѣнія объ этой работѣ своей, но, кромѣ этого мнѣнія человѣка скромнаго и во многомъ частью разочарованнаго, никто изъ нашихъ ученыхъ юристовъ, сколько намъ извѣстно, не взялъ на себя трудъ оцѣнить громадную работу Сперанскаго, сдѣланную въ такой короткій срокъ и, можно сказать, безъ сотрудниковъ.

Сверхъ гражданскаго уложенія, коммисія законовъ при директорствѣ Сперанскаго, или, точнѣе выражаясь, самъ Сперанскій приступилъ къ составленію устава гражданскаго судопроизводства и уложеній уголовнаго и торговаго.

Сверхъ этихъ двухъ громадныхъ трудовъ, и текущее законодательство того времени не миновало рукъ Сперанскаго, а многое и его иниціативы «Не подлежитъ сомнѣнію одно, пишетъ бар. Корфъ, всѣ публичные акты тѣхъ годовъ (1808—1812 гг.), всѣ манифесты, всѣ важнѣйшіе именные указы, даже такія положенія, которыя, принадлежа непосредственно къ разнымъ частямъ управленія, долженствовали, казалось, истекать прямо отъ ихъ вѣдомствъ,— все это было не только написано Сперанскимъ, но большей

частью имъ же и задумано. Изъ этой массы работъ Сперанскаго остановимся лишь на тѣхъ, которыя, несомнѣнно принадлежа его творческому уму и его иниціативѣ, имѣютъ историческое значеніе.

27 ноября 1807 года образованъ былъ комитетъ о духовныхъ училищахъ въ Россіи, членомъ котораго былъ назначенъ Сперанскій. Общій планъ образованія этихъ училищъ и мысль объ отнесеніи ихъ содержанія на свѣчной сборъ принадлежатъ Сперанскому. Положеніе, имъ выработанное, было утверждено 26 іюля 1808 года. 9 февраля 1809 года былъ имъ представленъ и вскорѣ утвержденъ уставъ духовныхъ академій.

18 августа 1808 года Сперанскій былъ назначенъ въ комитетъ по крестьянскимъ дѣламъ Лифляндіи, а въ началѣ 1809 года ему было поручено веденіе дѣлъ и устройство отношеній только что присоединенной Финляндіи. Пріемъ и переговоры съ финляндскою депутаціей о проэктированныхъ первыхъ организаціонныхъ планахъ финляндской конституціи были поручены и выполнены Сперанскимъ. 16 марта 1809 года былъ открытъ Александромъ въ Борго первый финляндскій сеймъ. Извѣстная историческая рѣчь, которою сопровождалось это открытіе, было написано Сперанскимъ, какъ и рѣчь 7 іюля того же года, которою сеймъ былъ закрытъ. Во все время совѣщаній сейма Сперанскій былъ при Александрѣ въ Борго, и всѣ учредительныя мѣропріятія этого времени—дѣло его трудовъ, между прочимъ учрежденіе финляндскаго сената. Финляндцы, въ воздаяніе его заслугъ передъ ихъ страною, избрали его канцлеромъ Абосскаго университета.

Къ этому же времени относятся два указа, изданные по иниціативѣ Сперанскаго и произведшіе сильное впечатлѣніе. 3 апрѣля 1809 года изданъ указъ о придворныхъ званіяхъ, а 6 августа того же года—указъ объ экзаменахъ на чины. Первый указъ былъ направленъ противъ незаслуженно быстраго возвышенія по службѣ молодыхъ вельможъ, а второй—противъ массы старослуживаго, но мало образованнаго чиновничества. Экзамены, которые отнынѣ требовались для полученія чина коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника, закрывая дорогу необразованному чиновничеству того времени, открывали болѣе быструю карьеру образованному молодому меньшинству, съ пути котораго снимались и вельможные сынки указомъ 3 апрѣля. Дѣло въ томъ, что до этого указа съ придворными званіями (камеръ-юнкеръ, камеръ-геръ и т. д.) соединялись и возведенія въ значительные чины, а

эти чины, полученные не за службу, а за принадлежность къ аристократіи, открывали ихъ обладателямъ и служебную карьеру сразу съ высокихъ степеней. Несомнѣнно, что оба указа, устраняя преимущество рожденія и выдвигая преимущество образованія, были и справедливы, и полезны, но несомнѣнно также, что они должны были и дѣйствительно создали Сперанскому цѣлые легіоны сильныхъ и озлобленныхъ враговъ. Многочисленное чиновничество съ одной стороны, а съ другой вельможная аристократія, дѣти которой затруднялись въ свой карьерѣ, были задѣты указами въ самыхъ существенныхъ интересахъ и конечно никогда не могли простить этихъ ударовъ нашему реформатору, которому уже съ этихъ поръ начали присвоивать названіе «опаснаго».

Отмѣтивъ еще, что въ 1810 году, по плану Сперанскаго, былъ учрежденъ Царскосельскій лицей—гдѣ впервые въ закрытомъ учебномъ заведеніи было запрещено тѣлесное наказаніе,—мы должны упомянуть о его дѣятельности по устроенію финансовъ. Положеніе русскихъ финансовъ въ это время было самое печальное. Расточительная политика Екатерины, неумѣлое управленіе финансами при Павлѣ, войны временъ Александра привели наше государственное хозяйство къ слѣдующему состоянію: въ 1809 году всѣ доходы равнялись 125 милліонамъ, расходы, несмотря на мирное положеніе этого времени, достигали 230 милліоновъ, превышая расходы не болѣе не менѣе какъ вдвое; ассигнаціонный долгъ простирался уже до 577 милліоновъ (и въ однихъ новыхъ выпускахъ бумажекъ финансовое вѣдомство видѣло источникъ для покрытія дефицита, а бумажки уже упали до четверти номинальной цѣны), при этомъ ни малѣйшаго запаснаго или размѣннаго фонда и управленіе, какъ этой громадной кредитной операціей, такъ и всѣмъ государственнымъ хозяйствомъ—самое безпорядочное. До какой степени финансовое вѣдомство того времени было чуждо финансоваго и экономическаго образованія, можно видѣть изъ того, что мысль объ ассигнаціяхъ, какъ долговыхъ знакахъ государства, была для него совершенною новостью; ассигнаціонныя бумажки считались просто деньгами. Такое положеніе финансовъ обратило наконецъ вниманіе Александра, и въ ноябрѣ 1809 года—какъ разъ по представленіи Сперанскимъ плана политическй реформы въ Россіи, по введеніи новаго политическаго устройства Финляндіи и въ разгаръ работъ по составленію гражданскаго уложенія,—Высочайше повелѣно Сперанскому «составить

опредѣлительный и твердый планъ финансовъ». Съ свойственнымъ ему жаромъ принялся Сперанскій за это новое дѣло, пригласивъ въ сотрудники одного изъ немногихъ образованныхъ экономистовъ того времени, Балугьянскаго, и опираясь преимущественно на идеи Адама Смита, книга котораго «О богатствѣ народовъ» тогда была еще новостью не въ одной Россіи. Не болѣе какъ черезъ два мѣсяца послѣ Высочайшаго повелѣнія, Сперанскій и Балугьянскій могли уже представить Александру главныя основанія финансоваго плана. Основная мысль плана непосредственно истекала изъ только что оконченнаго организаціоннаго плана: «Всякій финансовый планъ, гласила объяснительная записка Сперанскаго, указывающій способы легкіе и не полагающій никакого ограниченія въ расходахъ, есть явный обманъ, влекущій государство къ погибели». 1 января 1810 году Александръ лично внесъ этотъ планъ въ госуд. совѣтъ, а 2 февраля онъ былъ утвержденъ и обнародованъ при Высочайшемъ манифестѣ, написанномъ Сперанскимъ. Манифестъ заключалъ въ себѣ признанія, что финансы худо управлялись и что состояніе ихъ было очень печальное. Ассигнаціи объявлены государственнымъ долгомъ, обезпеченнымъ всѣмъ казеннымъ имуществомъ, и обѣщано прекращеніе ихъ дальнѣйшаго выпуска. Для покрытія дефицита 1810 года были значительно сокращены расходы и установлены новые налоги, между прочимъ налогъ съ дворянскихъ имѣній, изъятыхъ отъ податей. Прежній министръ финансовъ Голубцовъ былъ смѣненъ и назначенъ на его мѣсто Гурьевъ, нѣсколько лучше экономически образованный. Сперанскій однако втеченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ до своего паденія (1810—1811 гг.) продолжалъ быть истиннымъ руководителемъ финансоваго управленія,—что повлекло къ сильному неудовольствію Гурьева, охотно примкнувшаго къ вельможной и сановной оппозиціи Сперанскому и посодѣйствовавшаго низверженію нежеланнаго финансоваго ментора. Въ это время былъ утвержденъ планъ погашенія ассигнацій, для чего начата распродажа государственныхъ имуществъ; съ этою-же цѣлью установлены спеціальные налоги и проэктированы займы. Всѣ эти заботы привели къ тому, что государственная роспись на 1811 годъ уже заключалась остаткомъ въ 6 милліоновъ. Въ 1812 году, послѣ паденія Сперанскаго и въ виду отечественной войны, всѣ эти плоды упорядоченія финансовой системы исчезли немедленно.

Эти труды по устроенію государственныхъ финансовъ заняли

конецъ 1809 и первую половину 1810 года, вторая же его половина и часть 1811 года посвящены были преобразованію положенія, въ которое наше законодательство ставило внѣшнюю торговлю. Безпорядочный тарифъ, не вѣдавшій никакой системы, вывозныя пошлины, стѣснявшія экспортъ и тормазившія національное производство; стѣснительныя условія навигаціи, заставлявшія иностранныя суда избѣгать русскіе порты,—все это было по достоинству оцѣнено Сперанскимъ. По совѣщаніи съ представителями купечества, подъ руководствомъ Сперанскаго былъ составленъ первый стройный систематическій таможенный тарифъ, послужившій прототипомъ всѣхъ нашихъ послѣдующихъ тарифовъ. Навигація на столько упорядочена, что немедленно сказалась значительнымъ оживленіемъ портовыхъ оборотовъ. Эта организація условій внѣшней торговли, вмѣстѣ съ идеей погашенія и консолидаціи безпроцентнаго долга, были крупными вкладами Сперанскаго въ наше государственное хозяйство и принесли свои плоды. Отмѣтимъ еще, что Сперанскимъ же около этого времени указанъ былъ Канкринъ, въ то время еще молодой, начинающій чиновникъ, какъ самый способный и толковый финансистъ.

Въ этихъ финансовыхъ и экономическихъ трудахъ Сперанскаго достойно отмѣтить еще одну черту, въ виду современныхъ ему сплетенъ о его франкофильствѣ, доходившемъ до пожертвованія русскими интересами и до измѣны. Въ уставѣ о ввозныхъ пошлинахъ 1810 года впервые были обложены чувствительною пошлиною многіе французскіе товары (предметы роскоши), до того времени почти безпошлинно обращавшіеся въ Россіи. Такое обложеніе французской промышленности и стѣсненіе ея сбыта вызвало негодованіе Наполеона, которое дошло до крайней степени, когда ему стали извѣстны новыя правила о навигаціи въ русскихъ портахъ. Эти правила были такъ составлены, что англійскія суда подъ нейтральнымъ американскимъ флагомъ получили доступъ въ русскіе порта, что и было прямою цѣлью Сперанскаго, сознававшаго весь вредъ континентальной системы для Россіи *). Эти два акта государственной дѣятельности Сперанскаго имѣли конечно и свое вліяніе на то враж-

*) Надо помнить, что Россія въ это время находилась въ союзѣ съ Франціей и войнѣ съ Англіей, съ которою находилась въ войнѣ и вся континентальная Европа, благодаря чему только американскія суда могли посѣщать русскіе порты.

дебное Россіи настроеніе, которое именно въ это время начало проявляться въ политикѣ Наполеона и привело къ великому катаклизму 1812—15 гг. Не менѣе независимою отъ всякаго франкофильства была та иностранная политика, проводникомъ которой былъ Сперанскій въ это время. Канцлеръ Румянцовъ и оффиціальное русское представительство въ Парижѣ принадлежали къ горячимъ сторонникамъ французскаго союза, который и былъ оффиціально внѣшнею основой русской международной политики; но для людей дальновидныхъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Сперанскій, была ясна непрочность этого союза, и вѣчно колеблющійся, нерѣшительный Александръ старался удовлетворить обѣ стороны. Румянцовъ руководилъ оффиціальною дружескою Франціи русскою политикою, а Сперанскій сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ нити тайной политики, не довѣрявшей наполеоновской дружбѣ и зорко слѣдившей за его отношеніями. Нессельроде, будучи канцлеромъ при Николаѣ, а въ то время атташе при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ, находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Сперанскимъ, черезъ котораго Александръ въ глубокой тайнѣ недовѣрчиво слѣдилъ за своимъ могущественнымъ союзникомъ. Трудно поэтому допустить, чтобы Александръ именно въ это время могъ повѣрить клеветѣ объ измѣнѣ Сперанскаго.

Таковы были многочисленные и многосторонніе труды Сперанскаго по законодательству и управленію, повсюду оставившіе глубокіе слѣды его дѣятельности, но еще болѣе того обѣщавшіе и подготовлявшіе. Финансовые планы Сперанскаго, какъ и его гражданское уложеніе, не увидѣли осуществленія. Не увидѣла осуществленія и центральная задача его дѣятельности, къ которой, какъ къ фокусу, сходились всѣ остальные планы и проэкты, акты и труды нашего законодателя. Мы знаемъ однако, что въ ноябрѣ 1809 года Александръ, по разсмотрѣніи и одобреніи плана Сперанскаго, рѣшилъ привести его въ исполненіе. Самъ авторъ плана стоялъ за немедленное и единовременное введеніе всей реформы. «Полезнѣе было бы, читаемъ мы у Сперанскаго въ его пермскомъ письмѣ къ Александру, всѣ установленія сего плана, пріуготовивъ вдругъ, открыть единовременно; тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Но В. В. признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все

вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи». Рѣшено было вводить реформу постепенно и первымъ шагомъ должно было быть образованіе государственнаго совѣта, которое и осуществилось въ *Положеніи*, нами выше вкратцѣ изложенномъ. 1 января 1810 г. состоялось торжественное открытіе новаго учрежденія, предназначеннаго увѣнчать собою систему высшихъ государственныхъ учрежденій. Всѣ приготовленія сдѣланы были въ глубокой тайнѣ, въ которую были посвящены весьма немногіе, да и то въ самые послѣдніе дни. 31 декабря 1809 года вечеромъ тридцать пять сановниковъ, предназначенныхъ состоять членами совѣта, получили повѣстки собраться на другой день (въ Новый годъ) утромъ, въ половинѣ девятаго, въ одной изъ залъ дворца. «Къ девяти часамъ прибылъ Государь,—читаемъ мы у бар. Корфа.—Собраніе это было необыкновенно торжественно и никогда еще никакое учрежденіе не открывалось такъ въ Россіи. Александръ съ предсѣдательскихъ креселъ произнесъ рѣчь, исполненную чувства, достоинства и такихъ идей, которыхъ также никогда еще не слыхали съ престола. Эта рѣчь была сочинена Сперанскимъ, но собственноручно исправлена Государемъ. Потомъ новый государственный секретарь Сперанскій прочиталъ манифестъ объ образованіи Совѣта, самое положеніе о немъ, списокъ предсѣдателей департаментовъ, членовъ и чиновъ канцеляріи и расположеніе дней засѣданій. Для большей части присутствовавшихъ все это было совершенно ново по содержанію, еще болѣе ново по духу. Наконецъ Государь вручилъ предсѣдателю проэктъ гражданскаго уложенія и планъ финансовъ, для внесенія въ департаменты совѣта по принадлежности. Въ заключеніе члены подписали присягу, для которой была тоже особая, совершенно отличная отъ обыкновенной форма». Манифестъ, обнародованный во всеобщее свѣдѣніе, между прочимъ гласилъ, что «законы гражданскіе, сколь бы они ни были совершенны, безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды»; при этомъ сенатъ и совѣтъ названы *сословіями*, а задачею государственной организаціи было указано «учрежденіе образа управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона».

Такимъ образомъ первый шагъ былъ сдѣланъ. Сперанскій представлялъ постоянно о необходимости идти дальше и осуществлять, хотя бы по частямъ, весь планъ реформы, одобренный въ ноябрѣ 1809 года. «Однимъ симъ учрежденіемъ (т. е. совѣтомъ), писалъ Сперанскій въ представленномъ государю отчетѣ

гос. секретаря, сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ извѣстнымъ формамъ монархическимъ. Два года тому назадъ умы самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобы Россійскій Императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ «взявъ мнѣнію совѣта»; два года тому наладъ сіе показалось бы оскорбленіемъ Величества. Слѣдовательно пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію. Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое Совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ Вашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню».

Такъ старался Сперанскій одобрить и поддержать Александра, осаждаемаго ярою оппозиціею, въ это время уже образовавшеюся противъ всего, что́ предпринималъ Сперанскій. Недовольное вельможество, озлобленное старослужилое чиновничество, испугавшееся за крѣпостное состояніе дворянство, оскорбленныя самолюбія сильныхъ міра, при полной неизвѣстности задуманныхъ реформъ и при самыхъ противурѣчивыхъ и тревожныхъ ныхъ слухахъ,—все это соединилось, чтобы противодѣйствовать реформаторской дѣятельности великаго государственнаго человѣка, волею императора поставленнаго у кормила нашего государственнаго корабля. Оппозиція росла. Александръ колебался въ своихъ рѣшеніяхъ и началъ, повидимому, именно въ это время колебаться и въ своихъ мнѣніяхъ. Сперанскій начиналъ замѣчать это колебаніе и по мѣрѣ силъ боролся съ ними логическими доводами (единственное оружіе, которымъ онъ располагалъ). «При семъ составѣ совѣта, писалъ онъ Александру, нельзя конечно и требовать, чтобы съ перваго шага поравнялся онъ въ правильности разсужденія и въ пространствѣ его свѣдѣній съ тѣми установленіями, кои въ семъ родѣ въ другихъ государствахъ существуютъ. Недостатокъ сей не можетъ однако же быть предметомъ важныхъ заботъ. *По мѣрѣ успѣхъ въ прочихъ политическихъ устано-*

вленіяхъ, и сіе учрежденіе само собою исправится и усовершится. Нужно только вести его единообразно и неослабно». Такимъ образомъ неослабное проведеніе въ жизнь прочихъ политическихъ установленій Сперанскій снова настойчиво рекомендовалъ Александру. Рѣшено было сдѣлать еще одинъ шагъ и приступить къ преобразованію министерствъ.

«Мы предложимъ совѣту, сказано было въ манифестѣ, начало окончательнаго ихъ (министерствъ) устройства и главныя основанія общаго министерскаго наказа, въ коемъ съ точностью опредѣлятся отношенія министровъ къ *другимъ государственнымъ установленіямъ* и будутъ означены предѣлы дѣйствія и *степень ихъ отвѣтственности*».

Изъ этого обѣщанія было исполнено все, кромѣ послѣдняго, двумя актами, разсмотрѣнными въ государственномъ совѣтѣ въ 1810 и 1811 годахъ. 25 іюля 1810 г. было обнародовано «новое раздѣленіе государственныхъ дѣлъ въ порядкѣ исполнительномъ», т. е. распредѣленіе вѣдомствъ между отдѣльными министерствами, число и составъ которыхъ были тоже измѣнены, а черезъ годъ, 25 іюня 1811 года, издано «Общее учрежденіе министерствъ», т. е. организація, распредѣленіе и степени власти, наказъ дѣлопроизводства, новые штаты и пр. Достоинство этой работы Сперанскаго видно уже изъ того факта, что его учрежденіе министерствъ продержалось безъ измѣненія втеченіе всего XIX вѣка и въ главныхъ основаніяхъ донынѣ дѣйствуетъ. Самъ авторъ его въ не разъ цитированномъ уже пермскомъ письмѣ къ Александру счелъ возможнымъ такъ оцѣнить его: «Смѣю утверждать съ достовѣрностью, что ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и столь твердымъ». Нашъ ученый юристъ, проф. Романовичъ-Славатинскій, такъ выражается объ этой работѣ: «Твердость министерствъ испытана временемъ, а ихъ внутренній строй показываетъ въ Сперанскомъ замѣчательный даръ организаціи—отличительное свойство истиннаго государственнаго ума. Если же эти министерства стали

впослѣдствіи обильнымъ источникомъ бюрократизма и административныхъ злоупотребленій, если опека надъ свободнымъ развитіемъ государственныхъ и народныхъ силъ не всегда была благодѣтельною, то это не вина ихъ творца... Другой ученый юристъ Филипповъ выражается о значеніи министерской реформы, проведенной Сперанскимъ, еще опредѣленнѣе: «Въ подробностяхъ этого учрежденія были ошибки и недомолвки, на которыя уже указывала современная реформѣ критика. Но ясно поставленная цѣль учрежденія («министерства учреждены на тотъ конецъ, чтобы доставить законное. строгое и точное исполненіе»), опредѣленіе самимъ закономъ круга задачъ и вѣдомства министровъ, гармоническое введеніе министерствъ въ общую систему имперскихъ учрежденій,—все это было организовано такъ, что министерства Сперанскаго просуществовали болѣе полвѣка безъ всякихъ почти измѣненій. Если къ этому прибавить, что предположеніе Сперанскаго по отношенію къ реформѣ далеко не осуществилось на дѣлѣ, такъ что онъ самъ впослѣдствіи называлъ свою организацію *полуустройствомъ*, то нельзя не удивляться творчеству организаторской мысли, сказавшейся даже въ этомъ «полуустройствѣ».

Какъ ни скроменъ былъ этотъ второй шагъ государственной реформы (преобразованіе министерствъ), онъ возбудилъ противъ Сперанскаго сильное неудовольствіе въ самыхъ вліятельныхъ сановныхъ кругахъ того времени. Самъ Сперанскій въ пермскомъ письмѣ такъ характеризуетъ это неудовольствіе: «Каждый министръ, считая ввѣренное ему министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее и людьми, и деньгами. Тотъ, кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель государства — и это былъ я. Мнѣ одному противъ восьми сильныхъ надлежало вести сію тяжбу. У одного министра финансовъ, не говоря о другихъ, убавлены цѣлые два департамента и сверхъ того нѣсколько отдѣленій, и такимъ образомъ уменьшены штаты ежегодно болѣе нежели на 100 тыс. рублей. Въ самыхъ правилахъ

*

наказовъ надлежало сдѣлать важныя перемѣны, отсѣчь притязанія власти, привести ее въ предѣлы, ограничить насильныя завладѣнія одной части надъ другою,—словомъ, всѣ сіи наказы вовсе передѣлать. Можно-ли сего достигнуть, не прослывъ рушителемъ всего добраго, человѣкомъ опаснымъ и злонамѣреннымъ?»

Такъ росла и накоплялась со всѣхъ сторонъ оппозиція, сильная, многочисленная, не разборчивая на средства, испытанная въ придворныхъ интригахъ, искусная въ клеветѣ и доносахъ. И противъ этой оппозиціи одиноко стоялъ геніальный идеалистъ-реформаторъ, весь ушедшій въ свои планы и идеи и не желавшій считаться съ окружающею средою. Презирая по заслугамъ эту среду, онъ задумалъ сломить ея упорство и пересоздать ее. На повѣрку оказалось, что она сломила его идеализмъ, разбила его личную жизнь, уничтожила его предначертанія, пересоздала весь нравственный обликъ ненавистнаго человѣка, благороднаго по природѣ, но не одареннаго героизмомъ. Печальная это исторія, печальная и глубоко поучительная.

ГЛАВА IV.

Паденіе и ссылка.

Враждебная оппозиція реформамъ Сперанскаго и ему лично. — Принципіальная оппозиція. — Легитимистская пропаганда. — Новое настроеніе Александра. — Записка Карамзина. — Записки Чичагова и Розенкампфа. — Просьба Сперанскаго объ отставкѣ. — Балашовъ и Армфельдъ. — Недовѣріе, внушенное Александру. — Доносы, интриги и клеветы. — Мемуары Де-Сенглена. — Обвиненіе въ иллюминатствѣ, тайныхъ козняхъ противъ правительства, рѣзкихъ отзывахъ объ Александрѣ, продажности и измѣнѣ. — Прощальная аудіенція. — Арестъ и ссылка. — Жизнь въ ссылкѣ. — Дальнѣйшія преслѣдованія. — Пермское письмо. — Облегченіе участи — Освобожденіе. — Измѣненія въ характерѣ и нравственной физіономіи Сперанскаго.

Нашъ одинокій реформаторъ съ своими широкими планами и грандіозными идеями опирался въ своей дѣятельности единственно на довѣріе и единомысліе императора Александра. Были и въ то время люди въ русскомъ обществѣ, и притомъ въ высшихъ кругахъ, которые могли-бы быть его единомышленниками и сотрудниками, могли-бы составить его партію, но мы видѣли, что, оберегая свою нравственную независимость и увлекаясь чрезмѣрною работою, Сперанскій не позаботился объ этомъ. Стало быть, надлежало только, чтобы, всегда нерѣшительный, Александръ заколебался въ своихъ мнѣніяхъ; чтобы ему, всегда мнительному, было брошено въ душу зерно недовѣрія,—и вся сила Сперанскаго, всѣ его планы и труды должны были потерпѣть крушеніе.

Разрушить единомысліе и подорвать довѣріе—таковы были двѣ задачи многочисленной оппозиціи. Послѣдняя задача, дѣло интриги, сплетни, ловко пущенной клеветы, искуснаго и беззастѣнчиваго доноса, все это было достаточно хорошо извѣстно врагамъ Сперанскаго, но первая задача (разрушить единомысліе Александра и Сперанскаго, или хотя бы заставить перваго усомниться) была не по плечу вельможнымъ интриганамъ того времени. Они употребили, правда, для этого ученаго нѣмца Розенкампфа, но главнымъ ихъ союзникомъ неожиданно для нихъ явился Карамзинъ, подавшій им ператору 28 марта 1811 года, черезъ великую княгиню Екатерину Павловну, свою извѣстную записку: *О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ*. Записка эта, написанная очень смѣло и критико-

вавшая рѣзко дѣянія Александра, должна была тѣмъ бо́льшее впечатлѣніе произвести на послѣдняго своею искренностью. Главная задача *Записки* однако—борьба съ идеями и планами, представителемъ которыхъ былъ Сперанскій. Есть основаніе думать, что Александръ уже и до этого начиналъ колебаться въ своихъ мнѣніяхъ. Духъ реставраціи, легитимизма и политической реакціи, вскорѣ окончательно возобладавшій въ Европѣ, уже начиналъ явно сказываться въ умственномъ настроеніи европейскаго общества и политическая атмосфера была имъ пропитана. Испанія уже подняла открыто знамя легитимизма и начала національную борьбу за него съ Наполеономъ. Въ 1809 году Австрія тоже пробовала развернуть это знамя, и въ Германіи эта попытка имѣла успѣхъ и подготовила взрывъ 1813 года. Проповѣдники легитимизма и реставраціи разъѣзжали по Европѣ, подготовляя свое дѣло. Петербургъ, какъ единственный политическій центръ, еще независимый отъ Наполеона, особенно привлекалъ этихъ проповѣдниковъ. Здѣсь проживалъ Жозефъ де-Местръ, сюда же направлялись эмиссары Бурбоновъ, испытанные въ придворныхъ интригахъ стараго версальскаго двора, тонко образованные, искусные діалектики. Вся эта атмосфера, враждебная либеральнымъ идеямъ, съ которыми Александръ вступилъ на престолъ и которыя Европа начинала отвергать на всемъ своемъ протяженіи, не могла не отразиться и на настроеніи Александра. Именно это время воспитывало будущаго основателя Священнаго Союза, будущаго Агамемнона консервативной и легитимной Европы. Въ это-то именно время и подалъ Карамзинъ свою умно и горячо составленную *Записку*.

Мы не будемъ конечно ее здѣсь излагать, но скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ ея духѣ и направленіи. Сближеніе съ Франціей—въ политикѣ внѣшней, а во внутренней—общая политическая реформа, задуманная Александромъ и Сперанскимъ, и освобожденіе крестьянъ являются главнымъ объектомъ критики нашего историографа. Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, мѣропріятія по ограниченію сдачи въ рекруты не въ очередь, начало освобожденія крестьянъ въ Лифляндіи,—все это производило самое потрясающее впечатлѣніе на дворянство того времени, еще гораздо менѣе подготовленное къ отмѣнѣ крѣпостного права, нежели дворянство при Александрѣ II. Наклонность императора къ освобожденію и либеральныя мнѣнія Сперанскаго, его главнаго сотрудника этого времени, были достаточно извѣстны и порождали массу слуховъ, тревожившихъ дворянство, которое въ этомъ кров-

номъ интересѣ своемъ сходилось съ вельможествомъ и чиновничествомъ. Крѣпостное право объединяло интересы всѣхъ привилегированныхъ сословій и заставляло ихъ бояться всякихъ либеральныхъ начинаній, принципіальная связь которыхъ съ паденіемъ крѣпостного права чувствовалась всѣми. Карамзинъ явился искуснымъ и талантливымъ выразителемъ тревогъ и опасеній своего сословія: «Законодатель долженъ смотрѣть на вещи съ разныхъ сторонъ,—писалъ онъ въ *Запискѣ*,—а не съ одной: иначе, пресѣкая зло, можетъ сдѣлать еще болѣе зла. Такъ, нынѣшнее правительство имѣетъ, какъ увѣряютъ, намѣреніе дать господскимъ людямъ свободу. Должно знать происхожденіе сего рабства» *). Излагая эту исторію (не совсѣмъ правильно), авторъ приходитъ къ заключенію, что земля всегда принадлежала дворянству («съ IX вѣка!»), и что нынѣшніе крѣпостные слагаются изъ двухъ разрядовъ: прежнихъ холопей, которые всегда были рабами, и потомковъ тѣхъ свободныхъ крестьянъ, которые были прикрѣплены Годуновымъ, но, «какъ мы не знаемъ нынѣ, которые изъ нихъ происходятъ отъ холопей и которые отъ вольныхъ людей, то законодателю предстоитъ немалая трудность въ распутываніи сего узла Гордіева». Карамзинъ признаетъ за законодателемъ право лишь возстановить свободу потомковъ свободныхъ крестьянъ, выражаясь его словами: «право монарха самодержавнаго отмѣнять уставы своихъ предмѣстниковъ» (въ данномъ случаѣ царя Бориса и другихъ). Карамзинъ, правда, понимаетъ, что освобожденіе *всѣхъ* крестьянъ можетъ быть опираемо на *правѣ естественномъ*, но замѣчаетъ: «не вступая въ дальнѣйшій споръ, скажемъ только, что въ государственномъ общежитіи право естественное уступаетъ гражданскому». Затѣмъ слѣдуютъ всевозможныя предостереженія отъ тѣхъ ужасовъ безначалія, своеволія и преступленія, которые ожидаютъ Россію въ случаѣ освобожденія крестьянъ: «Не знаю, хорошо ли сдѣлалъ Годуновъ, отнявъ у крестьянъ свободу,—пишетъ по этому поводу Карамзинъ,—но знаю, что теперь имъ неудобно возвратить оную. Тогда они имѣли навыкъ людей вольныхъ, теперь они имѣютъ навыкъ рабовъ. Мнѣ кажется, что *для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить*

*) Нельзя не упомянуть кстати о свѣдѣніи, сообщаемомъ проф. Иконниковымъ, что „сначала (1810 г.) Карамзинъ было заискивалъ покровительства Сперанскаго“. А между тѣмъ 1810 годъ такъ близокъ къ марту 1811 года, когда подана *Записка* Карамзина, и въ 1810 году было уже осуществлено почти все, критикуемое въ *Запискѣ* 1811 года.

людей, нежели дать имъ не вовремя свободу, къ которой надо готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ». Съ такою же рѣшительностью и рѣзкостью критикуетъ Карамзинъ всѣ остальные либеральные планы этого времени и представляетъ горячую защиту существующаго строя противъ всякихъ плановъ преобразовать его. Онъ отрицаетъ даже право за Александромъ: «Государь! Ты преступаешь границы своей власти. Наученная долговременными бѣдствіями, Россія передъ святымъ алтаремъ вручила самодержавіе твоему предку и требовала, да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе твоей власти; иной не имѣешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!».

Таковы основы принципіальной критики всего направленія, котораго лучшимъ и серьезнѣйшимъ представителемъ былъ Сперанскій. Карамзинъ однако не довольствуется критикою принципіальною, но съ еще большею горячностью обрушивается на тѣ законодательныя мѣропріятія, въ которыхъ уже выразилось это направленіе. Учрежденіе государственнаго совѣта, учрежденіе министерствъ, гражданское уложеніе, законъ о сдачѣ рекрутовъ помѣщиками, указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, финансовые планы Сперанскаго,—ничего не забыто въ этой критикѣ и все жестоко осуждено. Нетерпимость и явная несправедливость многихъ осужденій сами собою бросались въ глаза и вредили тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовалъ Карамзинъ, потому что вызывали протестъ неудовольствія въ Александрѣ; но общее настроеніе мыслей и чувствъ императора начинало уже и ранѣе склоняться въ пользу идей, выразителемъ которыхъ явился нынѣ Карамзинъ. *Записка* Карамзина дала искусно и не безъ таланта составленное принципіальное основаніе этому новому настроенію Александра. Въ этомъ ея важное историческое значеніе вообще, въ біографіи Сперанскаго въ частности. Александръ, сперва недовольный крайними рѣзкостями и несправедливостями *Записки*, затѣмъ оцѣнилъ значеніе ея принциповъ и приблизилъ Карамзина, поощряя его въ историческихъ трудахъ, которые велись и составлялись въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и *Записка о древней и новой Россіи* *). Въ Твери, въ мартѣ 1811 года, у великой княгини Екатерины

*) По выходѣ въ свѣтъ первыхъ томовъ *Исторіи государства Россійскаго*, въ 1816 году, Карамзину была пожалована анненская лента за историческіе труды; но при этомъ, по свидѣтельству гр. Блудова, государь далъ ему знать, что награждаетъ не столько за его исторію, сколько за его *Записку о древней и новой Россіи*.

Павловны отрывки изъ своей *Исторіи* Карамзинъ читалъ Александру. Выпущена въ свѣтъ она была, какъ извѣстно, значительно позже послѣ отечественной войны. Оппозиція явная Сперанскому не ограничивалась *Запискою* Карамзина. Противъ его финансовыхъ плановъ возставалъ министръ финансовъ Гурьевъ и подалъ записку членъ государственнаго совѣта Чичаговъ. Враги Сперанскаго пользовались также услугами вышеупомянутаго ученаго нѣмца Розенкампфа. Все это, вмѣстѣ съ общимъ духомъ легитимизма, уже начинавшаго царить въ умственной атмосферѣ того времени, все болѣе и болѣе отклоняло Александра отъ либеральныхъ идей и все рѣшительнѣе отдаляло отъ Сперанскаго. Въ началѣ 1811 года, при свиданіи съ Карамзинымъ, Александръ уже благосклонно выслушиваетъ горячія возраженія Карамзина противъ либеральныхъ идей и поощряетъ его историческіе труды, написанные въ томъ же духѣ, однако въ это время онъ еще не соглашается съ Карамзинымъ. Черезъ годъ, въ разговорѣ съ де-Сангленомъ, мы уже видимъ Александра, осуждающаго Сперанскаго за либерализмъ. Такъ втеченіе этого времени постепенно измѣнялось настроеніе, а съ нимъ и намѣренія императора. Сперанскій былъ конечно теперь не у мѣста. Александру надлежало съ нимъ разстаться. Вопросъ заключался только въ томъ, какъ должно произойти это событіе.

Сперанскій самъ начиналъ видѣть, что онъ становится не ко двору. Еще въ началѣ 1811 года онъ просилъ у Александра отставки отъ должности государственнаго секретаря и статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи. Въ запискѣ, поданной имъ по этому поводу, находимъ слѣдующія поучительныя и благородныя строки: «Представляясь поперемѣнно, то въ видѣ директора комиссіи, то въ видѣ государственнаго секретаря; являясь, по повелѣнію Вашему, то съ проэктомъ новыхъ государственныхъ постановленій, то съ финансовыми операціями, то со множествомъ текущихъ дѣлъ, я слишкомъ часто и на всѣхъ почти путяхъ встрѣчаюсь и съ страстями, и съ самолюбіемъ, и съ завистью, а еще болѣе съ неразумѣемъ. Кто можетъ устоять противъ всѣхъ сихъ встрѣчъ? Втеченіе одного года я поперемѣнно былъ мартинистомъ, поборникомъ масонства, защитникомъ вольности, гонителемъ рабства и сдѣлался наконецъ записнымъ иллюминатомъ. Толпа подъячихъ преслѣдовала меня за указъ 6 августа эпиграммами и каррикатурами. Другая такая же толпа вельможъ, со всею ихъ свитою, съ женами и дѣтьми, меня, заключен-

наго въ моемъ кабинетѣ, одного, безъ всякихъ связей, меня, ни по роду моему, ни по имуществу не принадлежащаго къ ихъ сословію, цѣлыми родами преслѣдуютъ, какъ опаснаго уновителя. Я знаю, что большая ихъ часть и сама не вѣритъ симъ нелѣпостямъ, но, скрывая собственныя страсти подъ личиною общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить именемъ вражды государственной. Я знаю, что тѣ же люди превозносили меня и правила мои до небесъ, когда предполагали, что я во всемъ буду съ ними соглашаться, когда воображали найти во мнѣ послушнаго кліента и когда пользы ихъ страстей требовали противоположить меня другому. Я былъ тогда одинъ изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ исполнителей. Но какъ только движеніемъ дѣлъ былъ я приведенъ въ противоположность имъ и въ разногласіе, такъ скоро превратился въ человѣка опаснаго и *во все то, что Вашему Величеству извѣстно болѣе, нежели мнѣ.* Въ семъ положеніи мнѣ остается или уступить имъ, или терпѣть ихъ гоненіе. Первое я считаю вреднымъ службѣ, унизительнымъ для себя и даже опаснымъ. Дружба ихъ еще болѣе тягостна для меня, нежели разномысліе. Къ чему мнѣ раздѣлять съ ними духъ партій, худ ю ихъ славу и то пренебреженіе, коими они покрыты въ глазахъ людей благомыслящихъ? Слѣдовательно, остается мнѣ выбрать второе. Смѣю думать, что терпѣніе мое и опытъ опровергнутъ всѣ ихъ навѣты. Удостовѣренъ я также, что одно слово Ваше всегда довлѣетъ отразить ихъ покушенія. Но къ чему, Всемилостивѣйшій Государь, буду я обременять Васъ своимъ положеніемъ, когда есть самый простой способъ изъ него выйти и разъ навсегда прекратить тягостныя для Васъ и обидныя для меня нареканія?»

Александръ однако не принялъ отставки Сперанскаго и оставилъ его во всѣхъ должностяхъ и обязанностяхъ. Сперанскій продолжалъ свое дѣло съ прежнею энергіей, хотя и безъ прежней увѣренности въ его полномъ осуществленіи. Послѣднее видно изъ его частной переписки этого времени, а первое—изъ массы совершоннаго имъ за этотъ послѣдній годъ его государственной дѣятельности.

Что было совершено Сперанскимъ въ это время, видно изъ слѣдующаго бѣглаго перечисленія: учрежденіе министерствъ, проэктъ учрежденія сената, третья часть гражданскаго уложенія, проэктъ устава о судопроизводствѣ, таможенный тарифъ и пр. А мысли его о вѣроятной будущности его плановъ видны изъ слѣдующаго отрывка изъ письма его къ Столыпину въ октябрѣ 1811 г.: «Поѣздка, а паче воздержаніе отъ излишнихъ затѣй по-

службѣ возвратили мнѣ почти все мое здоровье. *Я называю излишними затѣями всѣ мои предположенія и желаніе двинуть грубую толпу, которую никакъ сдвинуть съ мѣста не можно».*

Разномысліе между императоромъ и Сперанскимъ постепенно увеличивалось и къ началу 1812 года, какъ выше упомянуто, стало столь значительнымъ, что удаленіе Сперанскаго сдѣлалось естественнымъ и необходимымъ выводомъ изъ этого факта. Вельможные враги Сперанскаго постарались о томъ, чтобы вмѣстѣ съ разномысліемъ поселить въ душѣ Александра неудовольствіе и недовѣріе. Самая беззастѣнчивая клевета, прямая фальсификація и поддѣлка документовъ, явно измышленныя ложныя свѣдѣнія—таковы были орудія, низвергнувшія Сперанскаго и превратившія его удаленіе, исторически естественное, въ жестокое паденіе и безпощадную расправу, которою такъ трагически завершилась государственная дѣятельность этого благороднаго и высокодаровитаго государственнаго человѣка, такъ много и безкорыстно потрудившагося на пользу общую и для славы своего государя и своего отечества. Мы уже видѣли, что въ самомъ началѣ 1811 года Сперанскій настолько ощутилъ разномысліе съ Александромъ, что просился въ отставку. Изъ этой записки ясно также, что уже тогда, за годъ слишкомъ до его паденія, онъ былъ окруженъ сплетнями, клеветами и интригами, о которыхъ онъ говоритъ съ благороднымъ презрѣніемъ. Были въ то время уже и доносы императору. Это видно изъ той же просьбы объ отставкѣ.

Въ февралѣ Александръ не принялъ этой просьбы и разрѣшилъ дальнѣйшіе шаги реформы (учрежденіе министерствъ и сената); въ мартѣ подалъ свою *Записку* Карамзинъ, а въ августѣ Александръ уже поручаетъ министру полиціи Балашову установить тайный надзоръ за Сперанскимъ и его личными друзьями. Къ этому времени стало-быть, вмѣстѣ съ усилившимся разномысліемъ, въ душѣ Александра уже возникло и недовѣріе къ Сперанскому. Не внушено ли было ему подозрѣніе, что Сперанскій, разочарованный въ возможности осуществить свои завѣтныя идеи *при помощи и по желанію* Александра, способенъ искать путей и средствъ осуществить ихъ *помимо и даже вопреки* его волѣ и намѣреніямъ? Нѣсколько позднѣе, въ декабрѣ того же 1811 года, Александръ серьезно подозрѣвалъ его въ принадлежности къ тайному международному союзу иллюминатовъ и почти вѣрилъ, что Сперанскій — глава этого революціоннаго масонства въ Рос-

сіи. Такъ развивалась постепенно интрига, руководимая опытными и испытанными въ придворныхъ интригахъ царедворцами. «Сперва однако,—читаемъ мы у бар. Корфа,—они предпочли попытаться на раздѣленіе съ Сперанскимъ власти, что, во всякомъ случаѣ, казалось тогда (во второй половинѣ 1811 года) легче, чѣмъ ее сокрушить. Два лица, уже облеченныя въ нѣкоторой степени довѣріемъ государя, предложили его любимцу пріобщить ихъ къ своимъ видамъ и учредить изъ нихъ и себя, помимо монарха, безгласный тайный комитетъ, который управлялъ бы всѣми дѣлами, употребляя государственный совѣтъ, сенатъ и министерства единственно въ видѣ своихъ орудій. Съ негодованіемъ отвергнулъ Сперанскій ихъ предложеніе, но онъ имѣлъ неосторожность, по чувству ли презрѣнія къ нимъ, или, можетъ быть, по другому тонкому чувству, по неспособности къ доносу, умолчать о томъ предъ государемъ». Біографъ Сперанскаго считаетъ это «благородное отвращеніе отъ доноса непростительною политическою ошибкой». «Промолчавъ, Сперанскій далъ своимъ врагамъ способъ сложить вину своихъ замысловъ на него, связать ему руки, заподозрить его искренность». «Паденіе его сдѣлалось неизбѣжнымъ»,—заканчиваетъ бар. Корфъ разсказъ свой объ этомъ эпизодѣ, поясняя, что Сперанскій «не разглядѣлъ разставленныя ему сѣти».

Эти два лица, уже облеченныя до нѣкоторой степени довѣріемъ государя. какъ ихъ опредѣляетъ бар. Корфъ, были: бар. Армфельдъ, шведскій аристократъ, незадолго передъ тѣмъ перешедшій въ русское подданство и находившійся въ тѣсныхъ связяхъ съ эмиссарами Бурбоновъ, и Балашовъ, министръ полиціи. Они-то предлагали Сперанскому союзъ для управленія государствомъ въ своихъ видахъ и, получивъ отказъ, «сложили вину своихъ замысловъ на него», какъ осторожно выражается бар. Корфъ. Около того времени мы и встрѣчаемся уже съ порученіемъ Александра одному изъ нихъ, Балашову, учредить тайный надзоръ за Сперанскимъ. Зерно недовѣрія и подозрѣнія уже было брошено въ душу императора. Оно быстро развивалось и воспитывалось дальнѣйшими свѣдѣніями, доставлявшимися Александру. «На помощь этимъ навѣтамъ, пишетъ Корфъ, и тому впечатлѣнію, которое оставила въ умѣ государя предшествовавшая имъ *Записка* Карамзина, стали появляться подметныя письма, расходившіяся по Петербургу и Москвѣ въ тысячѣ списковъ и обвинявшія Сперанскаго не только въ гласномъ опорочиваніи политической нашей системы, не только въ предсказываніи паденія имперіи, но даже

и въ явной измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ агентами Наполеона, въ продажѣ государственныхъ тайнъ и пр. За двумя главными союзниками, положившими основу всему дѣлу, потянулась толпа немалочисленныхъ ихъ клевретовъ. Что сегодня государь слышалъ въ обвиненіе Сперанскаго отъ одного, то завтра пересказывалось ему снова другимъ, будто бы совсѣмъ изъ иного источника, и такое согласіе вѣстей, естественно, должно было поражать Александра: онъ не подозрѣвалъ, что всѣ эти разные вѣстовщики—члены одного и того же союза». Два главные заговорщика показывали видъ, что въ ссорѣ, и дѣлали даже другъ на друга доносы.

Въ это время правителемъ дѣлъ у Балашова служилъ нѣкій де-Сенгленъ, котораго министръ употреблялъ для своихъ дѣлъ, какъ ловкаго и способнаго человѣка, обладавшаго лоскомъ европейской образованности, качествомъ, рѣдкимъ въ полиціи того времени. Ему Балашовъ поручилъ ближе познакомиться съ прибывшимъ въ это время въ Петербургъ французскимъ дворяниномъ Шевалье де-Вернегомъ.

— Это тайный дипломатическій агентъ Людовика XVIII,—сообщилъ де-Сенглену Балашовъ,—постарайтесь съ нимъ познакомиться поскорѣе: чрезъ него мы можемъ многое узнать.

Знакомство состоялось. «Вернегъ сдѣлался вскорѣ у меня человѣкомъ домашнимъ»,—замѣчаетъ де-Сенгленъ въ своихъ запискахъ, и ловкій французъ повелъ дѣло такъ, что не Балашовъ черезъ де-Санглена «могъ многое узнать отъ Вернега», а наоборотъ, де-Сенгленъ превратился въ агента де-Вернега и Армфельда, съ которымъ де-Вернегъ свелъ вскорѣ де-Сенглена. Его-то намѣтилъ Армфельдъ, по указанію бурбонскаго агента, въ главное орудіе противъ Сперанскаго и указалъ на него Александру, какъ на лучшаго агента для надзора за Сперанскимъ. Въ декабрѣ 1811 года де-Сенгленъ былъ втайнѣ призванъ во дворецъ для того, чтобы возложить на него это щекотливое порученіе.

Все это, какъ и дальнѣйшій разсказъ, основываемъ на повѣствованіи де-Сенглена, но при этомъ мы относимся къ нему съ большою осторожностью и, сообщая факты, снимаемъ съ нихъ, по возможности, все приданное имъ освѣщеніе. Де-Сенгленъ старается себя обѣлить и все свалить на Балашова, частью-же на Армфельда. Если бы въ самомъ дѣлѣ онъ, де-Сенгленъ, не доносилъ на Сперанскаго, а только все узнавалъ отъ Александра, то, спрашивается, зачѣмъ бы было Александру неоднократно тайно призывать его къ себѣ и открывать ему государственныя тайны, ему,

незначительному чиновнику и мелкому дворянину? Интересъ впрочемъ не столько въ томъ, *кто* донесъ, а *что* было донесено. Съ этой же стороны записки де-Сенглена доставляютъ богатый матеріалъ.

Донесеніями одного Балашова императоръ не удовлетворялся, да и Армфельдъ желалъ повидимому имѣть своего человѣка въ самомъ центрѣ дѣла.

— *Я рѣшительно никому не вѣрю*, — сказалъ на этомъ свиданіи Александръ де-Сенглену и поручилъ ему «смотрѣть поближе и за Балашовымъ:—что узнаете, скажите мнѣ».

На другой день съ де-Сенгленомъ видѣлись Армфельдъ и де-Вернегъ, все по тому же дѣлу.

— Я сообщу вамъ секретъ,—сказалъ при этомъ де-Вернегъ, желая устранить его колебанія.—Намъ предстоитъ большая перемѣна. Россія будетъ спасена и намъ будетъ принадлежать слава, что мы этому способствовали.

Затѣмъ агентъ Бурбоновъ намекнулъ на паденіе Сперанскаго и Наполеона: «1812 годъ будетъ памятнымъ годомъ въ лѣтописяхъ Россіи».

Къ этому любопытному разсказу де-Сенгленъ прибавляетъ отъ себя: «Вернегъ и Армфельдъ работали для Бурбоновъ». Легитимизмъ протягивалъ руку русскому крѣпостничеству, чтобы низвергнуть представителя либеральныхъ идей въ русскомъ правительствѣ.

Въ декабрѣ 1811 года Балашовъ, въ исполненіе даннаго ему порученія надзирать за Сперанскимъ, представилъ Александру донесеніе, несомнѣнно произведшее впечатлѣніе на мнительнаго императора, уже безъ того заколебавшагося въ своемъ довѣріи къ Сперанскому. Балашовъ посѣтилъ Сперанскаго вечеромъ въ семь часовъ. «Въ передней тускло горѣла сальная свѣча, во второй большой комнатѣ—тоже; отсюда ввели его въ кабинетъ, гдѣ догорали два восковые огарка; огонь въ каминѣ погасалъ. При входѣ въ кабинетъ почувствовалъ онъ, что *полъ подъ ногами его трясся, какъ будто на пружинахъ, а въ шкафахъ, вмѣсто книгъ, стояли стклянки, наполненныя какими-то веществами.* Сперанскій сидѣлъ въ креслѣ передъ большимъ столомъ, на которомъ лежало нѣсколько старинныхъ книгъ, изъ которыхъ онъ читалъ одну, и, увидя Балашова, немедленно ее закрылъ. Сперанскій, принявъ его ласково, спросилъ: «какъ вздумалось вамъ меня посѣтить?» и просилъ сѣсть на стоящее противъ него кресло, такъ что столъ оставался между ними. Балашовъ взялъ предлогомъ желаніе посовѣтоваться, нельзя ли дать министерству полиціи болѣе про-

странства. Оно слишкомъ сжато, даже въ нѣкоторой зависимости отъ другихъ министерствъ, такъ что для общей пользы трудно дѣйствовать свободно. Много говорили о полиціи Фуше, и наконецъ Сперанскій, при вторичной просьбѣ Балашова о расширеніи круга дѣйствій министерства, сказалъ ему: «развѣ современемъ можно будетъ сдѣлать это», прибавя: «вы знаете мнительный характеръ Императора».

Въ этомъ донесеніи инсинуируется чуть ли не чернокнижничество Сперанскаго. Это было конечно не умно и едва ли могло произвести впечатлѣніе на Александра, но заключительныя строки доноса, цитирующія отзывы Сперанскаго о самомъ императорѣ, не могли не оскорбить его и не усилить его недовѣрія и даже раздраженія. Сама инсинуація въ занятіяхъ чуть ли не черною магіей могла склонить къ мысли объ иллюминатствѣ и вообще тайномъ обществѣ. Вскорѣ де-Сенгленъ снова вызванъ къ императору. Въ это второе свиданіе Александръ спросилъ у де-Сенглена:

— Вы франкъ-масонъ или нѣтъ?

— Я въ молодости былъ принятъ въ Ревелѣ; здѣсь, *по приказанію министра*, посѣщаю ложу Астрея.

— Знаю. Это ложа Бебера. Онъ честный человѣкъ. Братъ Константинъ бываетъ въ ложѣ его. Вамъ извѣстны всѣ петербургскія ложи?

— Кромѣ ложи Астреи, есть ложи Жеребцова, Шарьера и Лабзина.

— А Сперанскаго ложу вы забыли?

— Я объ ней, государь, никакого понятія не имѣю.

— Можетъ быть. По мнѣнію Армфельда, эта ложа иллюминатовъ, и Балашовъ утверждаетъ, что они лѣтомъ собираются въ саду у Розенкампфа, а зимой у того и другого въ домѣ. Нельзя ли вамъ поступить въ эту ложу?

— Государь; если это въ самомъ дѣлѣ орденъ иллюминатовъ, то оный совершенно различенъ отъ франкъ-массонскаго. Здѣсь каждая ложа доступна каждому франкъ-масону, но надобно быть иллюминату, чтобы поступить въ ихъ собраніе.

— Балашовъ самъ вступилъ въ ложу Жеребцова.

— Знаю, государь, отъ самого министра и удивляюсь, какимъ образомъ министръ полиціи былъ принятъ въ сотрудники и собраты.

Государь засмѣялся.

— Я думаю, не трудно будетъ на почтѣ перехватить переписку иллюминатовъ съ головою ихъ Вейсъ-Гауптомъ? Балашовъ говоритъ, что Сперанскій регентомъ у иллюминатовъ.

— Я сомнѣваюсь, государь, какъ могъ онъ узнать тайну, которая такъ строго соблюдается между иллюминатами.

Такъ передаетъ этотъ замѣчательный разговоръ де Сенгленъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько справедливо его показаніе о собственной роли въ этомъ извѣтѣ на Сперанскаго, ясно тѣмъ не менѣе, что и Армфельдъ, и Балашовъ сообщали Александру о принадлежности Сперанскаго къ ордену иллюминатовъ и что Александръ былъ уже расположенъ этому повѣрить. Отпуская на этотъ разъ де-Сенглена, императоръ замѣтилъ: «Къ чему было Сперанскому вступать въ связь съ министромъ полиціи? Онъ былъ у меня въ такой довѣренности, до которой Балашову никогда не достигнуть, а можетъ быть никому. Одинъ—пошлый интриганъ, какъ я теперь вижу; другой—уменъ, но умъ, какъ и интрига, можетъ сдѣлаться вреднымъ». О связяхъ Сперанскаго съ Балашовымъ нашептывалъ Армфельдъ, про котораго однако Александръ тутъ же выразился: «Онъ хлопочетъ, прислуживается, чтобы урвать у меня на приданое побочной дочери».

Тутъ заключился 1811 годъ. Александръ, уже разошедшійся въ мнѣніяхъ и планахъ со Сперанскимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ уже сильно раздраженъ противъ него за его отзывы, переданные Балашовымъ, и склоненъ былъ повѣрить, что Сперанскій, обманывая его довѣріе, добивается осуществленія своихъ плановъ иными, уже анти-правительственными путями, чрезъ тайныя общества, чрезъ секретныя связи съ другими сановниками, и т. д. Однако Александръ еще не обнаруживалъ перемѣны своей въ отношеніяхъ къ Сперанскому и 1 января 1812 года пожаловалъ ему знаки ордена Александра Невскаго. Сперанскій, уже ясно сознававшій разномысліе съ Александромъ, ничего повидимому не подозрѣвалъ о другомъ душевномъ процессѣ, совершавшемся въ душѣ Александра, и попрежнему съ презрительнымъ равнодушіемъ относился къ клеветѣ и интригѣ, которая развивалась все дальше и развертывалась всѣ смѣлѣе.

Въ началѣ 1812 года Балашовъ доложилъ Александру, что жена Н. З. Хитрово, «бывъ у Коленкура на вечерѣ, принесла ему при всѣхъ скамейку, чтобы онъ уложилъ на нее свою больную ногу». Императоръ былъ раздосадованъ этою угодли-

востью въ то время, какъ уже готовились къ войнѣ съ Франціей. «Велѣно имѣть за Хитрово бдительный надзоръ», потому что это можетъ имѣть «связь со Сперанскимъ, ибо Воейковъ, правитель канцеляріи военнаго министра, въ связи съ Магницкимъ» (слова Балашова де-Сенглену). Вскорѣ послѣ того де-Сенгленъ былъ предувѣдомленъ Армфельдомъ и Вернегомъ, что императоръ пришлетъ за нимъ, причемъ Армфельдъ прибавилъ: «Балашовъ представилъ императору несомнѣнное доказательство вѣроломства Сперанскаго». Между тѣмъ у Хитрово былъ сдѣланъ обыскъ и самъ онъ высланъ изъ Петербурга. Захваченныя бумаги переданы де-Сенглену для разбора. «Какъ я ни рылся, но нигдѣ и тѣни того не было, о чемъ мнѣ Балашовъ объяснилъ»,—отмѣчаетъ де-Сенгленъ въ своихъ мемуарахъ. Балашовъ интересовался, есть ли письма Воейкова; нашлись, но, по свидѣтельству де-Сенглена, безъ всякаго политическаго значенія. Какая-то карта расположенія русскихъ войскъ, будто бы найденная въ бумагахъ Хитрово самимъ Балашовымъ, была особо представлена имъ государю вмѣстѣ съ письмомъ изъ Кіева съ контрактовъ «на имя Сперанскаго, которое его сильно компрометируетъ» (слова Балашова де-Сенглену).

„На другой день, въ 6 часовъ пополудни, я былъ призванъ къ государю“,—продолжаетъ де-Сенгленъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались,—сказалъ императоръ,—сколько происшествій! Кто могъ подумать, что русскій, Хитрово, могъ сдѣлаться прислужникомъ Коленкура? Хорошъ и Воейковъ! Какъ выпустить изъ рукъ карту съ обозначеніемъ маршрута въ Вильну!

— Я, государь, этой карты не видалъ.

— Она у меня, сказалъ государь.

— Не выкрадена ли эта карта у Воейкова? отвѣчаю я.

— Нѣтъ, она прислана къ Магницкому, который ее передалъ Хитрово. Спасибо Балашову,—онъ перехватилъ.

— Государь, я Воейкова не знаю, но удивляюсь, какъ на это рѣшиться.

— Странно, что не только Воейковъ, но и самъ военный министръ (Барклай-де-Толли) утверждаетъ, что на посланной къ Магницкому картѣ никакихъ знаковъ карандашомъ не было *); слѣдовательно, Хитрово чертилъ самъ, но все же Воейковъ виновенъ.

— Конечно Хитрово могъ бы ее купить у книгопродавца и чертить по собственной волѣ.

— Вы военнаго министра не знаете? Я хочу васъ съ нимъ сблизить... Онъ человѣкъ честный и отличный генералъ.

Я поклонился.

— Вотъ еще новость.

*) Т. е. что это была просто карта Европейской Россіи и дана она была, стало быть, съ вѣдома и согласія самого Барклая.

— И съ сими словами подалъ мнѣ государь распечатанное письмо. Я прочиталъ надпись: *Его Высокопревосходительству м. г. М. М. Сперанскому. С. Петербургъ.* Съ боку приписано „со вложеніемъ 80 т. руб. ассигн.“. Пока я разсматривалъ конвертъ, государь смотрѣлъ на меня пристально.

— Что вы такъ разсматриваете?

— Это получено не по почтѣ, печатей казенныхъ нѣтъ.

— Балашовъ мнѣ письмо представилъ, прочтите.

Это письмо было изъ Кіева, съ Контрактовъ, въ которомъ поляки благодарили за всѣ доставленныя имъ выгоды и въ знакъ благодарности просили принять посылаемыя 80 тыс. ассигн.

— Что скажете?

— Судя по конверту, не знаю, могли ли тутъ уложиться 80 тысячъ? Но если могли, представлены ли Вашему Величеству?

Государь ударилъ себя въ лобъ, сказавъ: „Какъ мнѣ это на умъ не пришло? Письмо было уже распечатано“.

— Слѣдовательно, и деньги у него.

— Прекрасно! Я ихъ потребую, а вамъ легко съ Сперанскимъ познакомиться. Вы важную услугу ему оказали.

По порученію Александра, авторъ цитируемыхъ мемуаровъ былъ на другой день у Барклая. «Это все глупости,—сказалъ при этомъ военный министръ,—сердятъ государя, а въ этомъ вашъ Балашовъ—великій мастеръ. Разстаться съ Воейковымъ мнѣ прискорбно будетъ: я къ нему такъ привыкъ». Честный и не посвященный въ дворцовыя интриги генералъ думалъ, что это только глупости, и не зналъ, что погибель Хитрово, Воейкова, Магницкаго,—все это нужно лишь какъ ступени для достиженія болѣе громкаго, историческаго паденія. Открывая измѣну, надо открыть и соучастниковъ. Дѣло съ картою, будто бы найденною у Хитрово и будто бы съ отмѣтками о движеніи арміи, сдѣланными не то имъ, не то Воейковымъ, не то Магницкимъ, по указаніямъ Воейкова, а быть можетъ и самимъ Сперанскимъ (прямо еще не названъ), и предназначенною для Коленкура, это дѣло, какъ и дѣло о кіевскомъ конвертѣ, продолжало развиваться. Денегъ Балашовъ конечно не представилъ, сославшись, что письмо перехвачено уже распечатанное. Это возбудило Александра противъ него, но, разъ повѣря извѣту, онъ подумалъ только, что Балашовъ деньги присвоилъ себѣ, а это конечно не послужило къ оправданію Сперанскаго въ томъ, что онъ продался явнымъ сторонникамъ Наполеона, съ которымъ готовилась война. Де-Сенгленъ былъ снова призванъ. Ему дано было 5 тысячъ руб. за оказанныя услуги. «Изъ донесенія гр. Растопчина о толкахъ московскихъ,—говорилъ Александръ,—я вижу, что тамъ ненавидятъ Сперанскаго,

полагаютъ, что онъ въ учрежденіяхъ министерствъ и совѣта хитро подкопался подъ самодержавіе... Графъ Марковъ отзывается о немъ дерзко и предсказываетъ ужасную будущность, которую нанесетъ Наполеонъ Россіи. Здѣсь, въ Петербургѣ, Сперанскій пользуется общею ненавистью и вездѣ въ народѣ проявляется желаніе ниспровергнуть его учрежденія. Слѣдовательно, учрежденіе министерствъ есть ошибка». Мнѣніе Александра стало-быть было уже составлено и участь Сперанскаго была почти рѣшена. При этомъ Александръ даже выразился: «Интриганы въ государствѣ такъ же полезны, какъ честные люди, а иногда первые даже полезнѣе послѣднихъ». О своихъ приближенныхъ онъ отзывался: Хорошо я окруженъ. Козодавлевъ плутуетъ, жена его собираетъ дань. Балашовъ мнѣ 80 тысячъ не даетъ. Я приступаю, онъ утверждаетъ, что пакетъ найденъ безъ денегъ. Все ложь! Графъ Т. твердитъ уроки Армфельда и Вернега, который живетъ съ его женою. Волконскій безпрестанно проситъ взаймы 50 тысячъ на 50 лѣтъ безъ процентовъ. Насилу я съ нимъ сошелся на 15 тыс. безъ возврата. Вотъ все какіе у меня помощники!»

И въ это-то время горькая иронія судьбы отнимала у Россіи благороднаго и безкорыстнаго государственнаго человѣка, котораго, и оклеветеннаго, и заподозрѣннаго, Александръ не вдвинулъ въ эту галлерею своихъ сановниковъ! Однако именно эти сановники и доставляли свѣдѣнія о Сперанскомъ.

Событія развивались. Война надвигалась. Александръ рѣшился еще разъ посовѣтоваться съ Сперанскимъ о дѣлѣ первой государственной важности. Вѣрный своимъ мнѣніямъ, Сперанскій отвѣтилъ совѣтомъ собрать государственную думу, разсчитывая конечно этимъ средствомъ сдѣлать войну популярною и превратить ее въ національную. Александръ, настроеніе котораго уже больше не гармонировало со строемъ идей Сперанскаго, остался крайне недоволенъ такимъ совѣтомъ. «Что же я такое?—говорилъ онъ де-Сенглену.—Нуль! Изъ этого я вижу, что онъ подкапывался подъ самодержавіе, которое я обязанъ вполнѣ передать наслѣдникамъ моимъ». Исторія съ картою получила новую редакцію, будто Барклай-де-Толли отправилъ Воейкова къ государю съ маршрутомъ всей арміи въ Вильну и съ означеніемъ порядка марша каждаго корпуса. Сперанскій зналъ, что императоръ этого ожидалъ, и былъ съ докладомъ у государя, когда объявили о Воейковѣ. Сперанскій выходитъ изъ кабинета и встрѣчаетъ Воейкова «Вотъ онъ!

*

Пожалуйте».—сказалъ Сперанскій и пошелъ съ этою бумагой обратно въ кабинетъ.

Къ половинѣ марта раздраженіе Александра противъ Сперанскаго достигло крайняго предѣла. 11 марта 1812 года де-Сенгленъ былъ призванъ къ Александру утромъ. «Конечно,—сказалъ государь,—и какъ мнѣ это ни больно, но съ Сперанскимъ разстаться долженъ. Я уже поручилъ это Балашову, но я ему не вѣрю и потому велѣлъ ему взять васъ съ собою. Вы мнѣ разскажете всѣ подробности отправленія». Отправленіе это должно было однако состояться еще черезъ шесть дней. Къ 17 марту всѣ распоряженія были сдѣланы, а 15 марта вечеромъ посѣтилъ императора извѣстный физикъ, проф. Дерптскаго университета Парротъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ Александра. Ему было открыто въ этой вечерней бесѣдѣ готовившееся событіе, скрытое въ глубокой тайнѣ. Честный, далекій отъ дворцовой жизни съ ея волненіями и интригами, ученый былъ страшно взволнованъ бесѣдою. Александръ ему сообщилъ объ *измѣнѣ* Сперанскаго и о своемъ намѣреніи *разстрѣлять* государственнаго секретаря. Вернувшись домой и собравшись съ мыслями, Парротъ рѣшился писать императору: «Въ минуту, когда Вы вчера довѣрили мнѣ горькую скорбь Вашего сердца объ *измѣнѣ* Сперанскаго, я видѣлъ Васъ въ первомъ пылу страсти и надѣюсь, что теперь Вы уже далеко откинули отъ себя мысль разстрѣлять его. Не могу скрыть, что слышанное мною отъ Васъ набрасываетъ на него большую тѣнь, но въ томъ ли Вы расположеніи духа, чтобы взвѣсить справедливость этого обвиненія, а если бы и были въ силахъ нѣсколько успокоиться, то Вамъ ли его судить? Всякая же коммисія, наскоро для того наряженная, могла бы состоять только изъ его враговъ».

Далѣе Парротъ предлагаетъ ограничиться временно удаленіемъ Сперанскаго, назначивъ послѣ войны законный судъ. «Мои сомнѣнія въ дѣйствительной виновности Сперанскаго подкрѣпляются тѣмъ,—прибавляетъ Парротъ,—что въ числѣ второстепенныхъ доносчиковъ на него находится одинъ отъявленный негодяй, уже однажды продавшій *другого* своего благодѣтеля». Въ заключеніе Парротъ замѣчаетъ: «Отъ находящихъ свой интересъ слѣдить за Вашимъ характеромъ не укрылось, я это знаю, свойственная Вамъ черта подозрительности и ею-то хотятъ на Васъ дѣйствовать. На нее же вѣроятно разсчитываютъ и непріятели Сперанскаго, которые не перестанутъ пользоваться открытою ими

слабою стороной Вашего характера, чтобы овладѣть Вами». Впослѣдствіи Парротъ приписывалъ себѣ заслугу спасенія Сперанскаго отъ смерти (въ письмѣ къ императору Николаю отъ 8 января 1833 г.), но едва ли Александръ имѣлъ когда-либо серьезное намѣреніе казнить Сперанскаго. Слова, сказанныя въ увлеченіи и свидѣтельствовавшія лишь о степени раздраженія Александра противъ государственнаго секретаря, были приняты почтеннымъ физикомъ въ слишкомъ буквальномъ смыслѣ. Наконецъ, чтобы казнить, надо было судить, а болѣе нежели сомнительно, чтобы какой бы то ни было судъ могъ осудить Сперанскаго по тѣмъ даннымъ, которыя могли бы представить Балашовъ, Армфельдъ и ихъ достойные сотрудники. Мы выше видѣли, что еще за три дня до бесѣды Александра съ Парротомъ ссылка, а не судъ и казнь, была предназначена для Сперанскаго.

Ссылка въ административномъ порядкѣ, безъ суда и публичнаго обвиненія, всегда составляетъ вопросъ: «за что былъ наказанъ и заточенъ человѣкъ?» Чему изъ столь разнообразныхъ доносовъ и извѣтовъ повѣрилъ императоръ, рѣшившій участь Сперанскаго? Подозрѣніе въ измѣнѣ руководило этимъ рѣшеніемъ, или негодованіе за обличенную будто бы продажность (извѣтъ съ кіевскимъ письмомъ), или намѣреніе покарать приписанные обвиняемому дерзкіе отзывы о правительствѣ и монархѣ, или опасеніе тайныхъ козней и сношеній съ иллюминатами и либералами, или наконецъ, при неполномъ убѣжденіи въ каждомъ изъ этихъ обвиненій въ частности, подѣйствовало рѣшающимъ образомъ ихъ соединеніе? Завершеніе перваго либеральнаго періода правленія Александра естественно должно было сопровождаться удаленіемъ отъ дѣлъ Сперанскаго, главнаго представителя преобразовательной политики, но это «естественное удаленіе» не объясняетъ и не оправдываетъ жестокой участи, постигшей Сперанскаго. Выше мы собрали весь фактическій матеріалъ, который можетъ дать это объясненіе. Приведемъ еще нѣсколько выводовъ изъ него, сдѣланныхъ современниками и потомками, государственными людьми и учеными историками: «Сперанскій былъ жертвою Балашова и Армфельда, – пишетъ въ своихъ *Запискахъ* гр. Нессельроде,— воспользовавшихся общественнымъ мнѣніемъ, враждебнымъ къ реформамъ, возлагавшимся на Сперанскаго». Тогдашнее общественное мнѣніе—это было мнѣніе вельможества, дворянства и чиновничества. Мы видѣли мотивы ихъ вражды къ реформамъ, такъ что основная причина удаленія Сперанскаго указана гра-

фомъ Нессельроде совершенно вѣрно, но для объясненія ссылки она недостаточна. Самъ Армфельдъ говоритъ де-Сенглену: «Знайте, что Сперанскій, виновенъ онъ или нѣтъ, долженъ быть принесенъ въ жертву. Это необходимо для того, чтобы привязать народъ къ главѣ государства, и ради войны, которая должна быть національною». Это выходитъ похоже на то, что Армфельдъ навязывалъ императору нѣчто вродѣ извѣстнаго растопчинскаго поступка съ Верещагинымъ. Извѣстно, что, возбудивъ населеніе Москвы своими афишами и окруженный толпою, встревоженною слухами о сдачѣ, гр. Растопчинъ выдалъ ей нѣкоего Верещагина, какъ измѣнника, и пока чернь расправлялась съ мнимымъ предателемъ, благоразумно оставилъ столицу. Александру конечно не нужно было скрываться отъ народа, ему преданнаго, и только иностранецъ, лишь вчера перемѣнившій отечество, какъ мѣняютъ службу одного вѣдомства на другое, могъ думать, что нужны какія нибудь искусственныя мѣры для возбужденія русскихъ къ защитѣ Россіи. Война, перенесенная въ предѣлы Россіи, становилась уже по этому одному войною національною. Конечно русскій императоръ не нуждался въ своемъ Верещагинѣ, въ своемъ сознательно-мнимомъ измѣнникѣ, отданномъ на жертву черни. Де-Сенгленъ однако повѣрилъ Армфельду.

Враждебное настроеніе общества по отношенію къ Сперанскому указывало, по мнѣнію де-Сенглена, на него и его принесли въ жертву. «Такимъ образомъ всѣ актеры,—прибавляетъ де-Сенгленъ,—кромѣ царя, который одинъ былъ дѣятеленъ и одинъ съ Армфельдомъ направлялъ таинственно весь ходъ драмы, остались въ дуракахъ. Мы дѣйствовали, какъ телеграфы, нити которыхъ были въ рукахъ императора. Изъ чего хлопотали? О томъ, что давно рѣшено было въ умѣ государя». Въ послѣднемъ, повидимому, есть доля истины. Паденіе Сперанскаго, какъ кажется, было предрѣшено сравнительно задолго до катастрофы. Александръ лишь собиралъ данныя: «Сперанскій никогда не былъ измѣнникомъ отечества,—сказалъ долго спустя Александръ въ разговорѣ съ гр. Закревскимъ, — но вина его относилась лично ко мнѣ». Такъ колебались современники въ объясненіи катастрофы 17 марта 1812 г. Проф. Романовичъ-Славатинскій даетъ сжатое резюме этихъ разнорѣчивыхъ объясненій и толкованій: «Интрига воспользовалась тѣмъ мрачнымъ состояніемъ духа, въ которомъ находился императоръ Александръ въ началѣ 1812 г., когда уже близилась война съ Наполеономъ. Дѣло интриги повели гр. Арм-

фельдъ и министръ полиціи Балашовъ. Сперанскаго прямо обвинили въ измѣнѣ. Государь хорошо зналъ неосновательность этого обвиненія, но все-таки пожертвовалъ своимъ благороднѣйшимъ слугой. Въ лицѣ его онъ хотѣлъ покарать иллюзіи своей молодости». Что главная причина паденія заключалась въ направленіи Сперанскаго, думали и нѣкоторые изъ современниковъ. Въ *Запискахъ* Корниловича читаемъ: «Сперанскій былъ сосланъ по наущеніямъ шведа Армфельда и министра полиціи Балашова за представленные императору проэкты объ отдѣленіи судной власти отъ правительственной и о постепенномъ введеніи представительнаго правленія».

Но если у Сперанскаго не было сильныхъ друзей, то были все же единомышленники въ русскомъ обществѣ, всѣ эти дѣятели первой половины правленія Александра. Сами враги Сперанскаго, какъ свидѣтельствуетъ де-Сенгленъ, опасались, что Сперанскій можетъ быть энергично поддержанъ либеральными вельможами и сановниками, въ особенности гр. Кочубеемъ и гр Мордвиновымъ. Друзья Сперанскаго разсчитывали еще на гр. Шувалова. Послѣдній дѣйствительно высказывался въ пользу Сперанскаго, но его голосъ не имѣлъ большого значенія. Кочубей, самъ выдвинувшій Сперанскаго и высоко цѣнившій его, поддался въ это время вліянію сплетенъ и великосвѣтскихъ клеветъ. Не довѣряя конечно толкамъ объ измѣнѣ, онъ заколебался въ вопросѣ о корыстности и интересовался состояніемъ Сперанскаго. Это временное колебаніе, скоро прошедшее, заставило однако Кочубея воздержаться отъ всякихъ шаговъ въ пользу Сперанскаго, съ которымъ вскорѣ, еще опальнымъ, онъ возобновилъ дружескія сношенія и переписку. Заступничество Кочубея однако едва ли принесло бы пользу Сперанскому, какъ не принесъ ему пользы Мордвиновъ, въ то время болѣе вліятельный, нежели Кочубей. Не будучи въ состояніи спасти Сперанскаго, Мордвиновъ, этотъ рыцарь чести и пуристъ благородства, подалъ въ отставку. Не получая формальнаго увольненія, Мордвиновъ все-таки оставилъ Петербургъ немедленно послѣ высылки Сперанскаго и не стѣснялся громко защищать послѣдняго.

Между тѣмъ Сперанскій ничего не подозрѣвалъ и продолжалъ спокойно работать въ тиши своего кабинета и вести свой обычный уединенный образъ жизни, посѣщая немногихъ близкихъ знакомыхъ. 17 марта 1812 года, въ воскресенье, онъ обѣдалъ у пріятельницы своей покойной жены, г-жи Вейкардтъ. Сюда явился

фельдъегерь съ приказаніемъ явиться къ государю въ тотъ же вечеръ, въ 8 часовъ. «Приглашеніе это, которому подобныя бывали очень часто, не представляло ничего необыкновеннаго,—замѣчаетъ баронъ Корфъ,—и Сперанскій, заѣхавъ домой за дѣлами, явился во дворецъ въ назначенное время. Въ секретарской ожидалъ пріѣхавшій также съ докладомъ князь А. Н. Голицынъ, но государственный секретарь былъ позванъ раньше». Александръ объявилъ Сперанскому объ ожидавшей его участи: *удаленіе отъ дѣлъ и ссылка подъ надзоръ полиціи въ Нижній-Новгородъ.* Но какая причина этого жестокаго рѣшенія? Ни объ измѣнѣ, ни о продажности Александръ ничего не сказалъ Сперанскому. Здѣсь, лицомъ къ лицу съ своимъ сотрудникомъ столькихъ лѣтъ, императоръ не произнесъ обвиненія, еще за день лишь сообщеннаго Парроту. Его ли, Сперанскаго, обвинять въ продажности и корыстныхъ видахъ, его, который не воспользовался своею близостью къ императору и его расположеніемъ и ничего для себя не исходатайствовалъ, ни арендъ, ни земель, ни капиталовъ, какъ то было тогда въ обычаѣ? Его ли, Сперанскаго, обвинять въ франкофильствѣ и пожертвованіи русскими интересами, когда исключительно благодаря его иниціативѣ и энергіи былъ созданъ таможенный тарифъ 1810 года, столь сильно повредившій французской торговлѣ и промышленности и открывшій вмѣстѣ съ тѣмъ первую серьезную брешь въ континентальной системѣ, этомъ любимомъ дѣтищѣ Наполеона? Ему ли наконецъ предъявлять обвиненіе въ измѣнѣ въ интересахъ Франціи и Наполеона, когда именно черезъ него втеченіе столькихъ лѣтъ Александръ направлялъ свою неоффиціальную политику, не довѣрявшую оффиціальной французской дружбѣ? Личность Сперанскаго, представшая Александру въ этотъ вечеръ во всемъ его скромномъ, нравственномъ величіи, однимъ своимъ появленіемъ отстранила всѣ эти обвиненія... Что же оставалось? «Я не знаю въ точности, — пишетъ въ своемъ пермскомъ письмѣ Сперанскій,—въ чемъ состояли секретные доносы, на меня взведенные. Изъ словъ, которыя, при отлученіи меня, Ваше Величество сказать мнѣ изволили, могу только заключить, что были три главные пункта обвиненія: 1) что финансовыми дѣлами я старался разстроить государство, 2) привести налогами въ ненависть правительство и 3) отзывы о правительствѣ». Первые два пункта имѣютъ очевидную связь съ записками Карамзина, Чичагова и Розенкампфа, а послѣдній съ вышеприведеннымъ доносомъ Балашова. Покуда продолжалась эта послѣдняя

аудіенція, князь Голицынъ и генералъ-адъютантъ графъ Павелъ Кутузовъ ожидали въ секретарской. Наконецъ вышелъ Сперанскій. Онъ былъ «почти въ безпамятствѣ, вмѣсто бумагъ сталъ укладывать въ портфель свою шляпу и наконецъ упалъ на стулъ, такъ что Кутузовъ побѣжалъ за водою. Спустя нѣсколько секундъ дверь изъ государева кабинета отворилась и Александръ показался на порогѣ, видимо разстроенный: «еще разъ прощайте, Михаилъ Михаиловичъ»,—проговорилъ онъ и потомъ скрылся».

Сперанскій отправился домой, гдѣ его съ полиціей ждали Балашовъ и де-Сенгленъ, уже успѣвшіе выпроводить Магницкаго и нынѣ съ тревогою ожидавшіе Сперанскаго, слишкомъ замѣшкавшагося у государя. По собственному сознанію де-Сенглена, и ему, и Балашову приходило въ голову: «Ну, а если *онъ* оправдается и, вмѣсто Сперанскаго, отправлены будутъ они, Балашовъ и де-Сенгленъ?» «Признаюсь,—говорилъ Балашовъ,—эта мысль тревожила и меня. Чего добраго? Ни на что полагаться нельзя». Наконецъ въѣхала карета. Это былъ Сперанскій, у заговорщиковъ отлегло отъ сердца. Засимъ все послѣдовало, какъ принято. Бумаги были собраны и заперты въ кабинетѣ, который былъ запечатанъ де-Сенгленомъ. Нѣкоторыя, отобранныя Сперанскимъ и запечатанныя имъ въ конвертъ, вручены Балашову для передачи въ собственныя руки императору. Сперанскій не захотѣлъ тревожить спавшую дочь и, сдѣлавъ распоряженіе о слѣдованіи семейства за нимъ (то-есть тещи и дочери), простился съ прислугою. Съ частнымъ приставомъ Шипулинскимъ его помчали въ ссылку, черезъ Москву, въ Нижній-Новгородъ. Такъ совершилось это историческое событіе и такъ завершился первый періодъ правленія Александра I, періодъ либеральныхъ начинаній и преобразовательныхъ плановъ.

Не разсказываемъ печальной исторіи ссылки Сперанскаго. Ограничиваемся слѣдующею краткою, но живописною характеристикою, сдѣланною проф. Романовичемъ-Славатинскимъ: «Оскорбляемый на пути всѣми встрѣчными, даже ямщиками, Сперанскій скоро былъ доставленъ въ Нижній, откуда его перевезли въ Пермь. Здѣсь положеніе его сначала было таково, что онъ нуждался въ насущномъ хлѣбѣ и долженъ былъ закладывать царскіе подарки и пожалованные ему ордена, чтобы добывать небольшія суммы денегъ. А его, имѣвшаго не задолго предъ тѣмъ на рукахъ своихъ всѣ финансы имперіи, подозрѣвалъ даже Кочубей въ пріобрѣтеніи большихъ богатствъ! Велики были и оскорбленія, которымъ подвергался въ Перми нашъ реформаторъ: враждебныя ему демонстраціи

дѣлалъ архіерей, даже во время божественной литургіи, когда изгнанникъ отводилъ свою душу молитвой; уличные мальчишки дразнили его крикомъ: «измѣнникъ, измѣнникъ!» и бросали въ него грязью. Нуждаясь въ средствахъ къ жизни, всѣми оскорбляемый, Сперанскій въ январѣ 1813 г. написалъ изъ Перми свое знаменитое письмо къ государю, полное достоинства и гордаго сознанія своей правоты и заслугъ передъ отечествомъ. Въ письмѣ этомъ онъ оправдывалъ совершенныя имъ реформы, вспоминалъ свои прежнія интимныя бесѣды съ государемъ: «что̀ другое вы слышали отъ меня, кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастія, всего изящнаго и высокаго?» Государь дозволилъ Сперанскому переѣхать изъ Перми въ новгородское помѣстье Великополье, принадлежавшее его дочери. Здѣсь начинаются искательныя сношенія съ Аракчеевымъ, которыя ложатся нѣкоторой тѣнью на свѣтлый образъ нашего реформатора.

Черезъ Аракчеева, уже всесильнаго въ это время, Сперанскій добивался свободы. Кто знаетъ, какой душевный процессъ совершался въ Сперанскомъ въ эти долгіе годы заточенія (освобожденъ изъ Великополья онъ былъ только 30 августа 1816 г., т. е. черезъ $4^1/_2$ года послѣ ареста), при видѣ всѣхъ рушившихся плановъ своихъ, при размышленіи о подрастающей дочери, при перенесеніи всѣхъ этихъ незаслуженныхъ оскорбленій и утратъ... Возвратился онъ на поприще государственной дѣятельности уже инымъ человѣкомъ. Не лихоимецъ и не продажный, онъ становится и не такимъ безсребренникомъ; онъ ищетъ себя обезпечить, составить состояніе... Не измѣнникъ своихъ учрежденій, никогда не предававшійся служенію реакціи, какъ Голицынъ, Магницкій и др., онъ однако идетъ теперь на компромиссы, ищетъ поддержки у сильныхъ міра, старается завязать связи и отношенія, становится искателенъ, часто надѣваетъ личину. Сперанскаго этого второго періода его государственной дѣятельности называетъ Н. И. Тургеневъ человѣкомъ безъ души, а гр. Канкринъ—великимъ ипокритомъ. Но этотъ видимый политическій индифферентизмъ, поразившій Тургенева, и это политическое лицемѣріе, подмѣченное Канкринымъ, были равно чужды Сперанскому, какъ мы его знаемъ въ первый періодъ его государственной дѣятельности. Онъ ихъ вынесъ изъ жестокаго испытанія, столь незаслуженнаго и столь долго имъ перенесеннаго, и внесъ ихъ въ свою дѣятельность второго періода. Эту дѣятельность мы разскажемъ вкратцѣ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА V.

Государственная дѣятельность второго періода.

Просьба Сперанскаго о судѣ надъ нимъ.—Назначеніе въ Пензу губернаторомъ. — Губернаторство — Отношеніе населенія. — Частная государственная дѣятельность. — Назначеніе сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. — Печальное состояніе Сибири — Сибирская ревизія. — Сибирская реформа и ея значеніе. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Работы по гражданскому уложенію. — Отношенія къ Аракчееву. — Кончина Александра и воцареніе Николая. — Судъ надъ декабристами. — Кодификація. — Заботы о высшемъ юридическомъ образованіи въ Россіи. - Преподаваніе правовѣдѣнія наслѣднику престола. — Участіе въ комитетѣ 6 декабря. - Милости и награды.— Частная жизнь послѣ ссылки.— Замужество дочери. — Потомство Сперанскаго. — Состояніе, оставленное Сперанскимъ. — Его кончина.—Общій взглядъ на историческое значеніе Сперанскаго и его дѣятельности.

Въ іюлѣ 1816 г. Сперанскій снова обращается къ Александру. «При удаленіи меня отъ лица Вашего, пишетъ онъ, В. И. В. соизволили мнѣ сказать, что во всякомъ другомъ положеніи дѣлъ, менѣе затруднительномъ, Ваше Величество употребили-бы много времени и способовъ на подробное разсмотрѣніе моего поведенія и свѣдѣній, до васъ дошедшихъ. Съ того времени доселѣ, *пятый годъ* находясь подъ гнѣвомъ Вашего Величества, я не переставалъ однако-же надѣяться на разрѣшеніе судьбы моей. Время, вмѣсто смягченія мнѣ обстоятельствъ, ожесточаетъ мое положеніе. Оно усиливаетъ вѣроятность вмѣняемыхъ мнѣ преступленій, ослабляетъ способы къ моему оправданію, стираетъ слѣды, по коимъ можно-бы еще дойти до истины, утверждаетъ самою продолжительностью общее о винѣ моей мнѣніе и вдали, въ концѣ жизни, трудами, бѣдствіями и посрамленіемъ исполненной, указуетъ безчестный гробъ. Именемъ правосудія и милости, кои одни доставляютъ государямъ славу прочную и благословеніе небесное, именемъ ихъ умоляю Ваше Величество обратить на судьбу мою всемилостивѣйшее ваше вниманіе и рѣшить ее такъ, какъ Богъ Вамъ въ сердце вложитъ».

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ къ императору, Сперанскій пи-

салъ и Аракчееву, тогда уже всесильному. Свое обращеніе къ нему Сперанскій мотивируетъ) нежеланіемъ «подробностями обременять вниманіе всемилостивѣйшаго государя», но «зная любовь вашу къ справедливости и преданность государю императору... просилъ-бы ваше сіятельство довести до свѣдѣнія его величества то изъ нихъ (подробностей), что изволите признать уважительнымъ». Это обращеніе къ «справедливости» Аракчеева является единственною неправильною точкою въ этомъ послѣднемъ воззваніи къ правосудію со стороны Сперанскаго: «Умалчиваю здѣсь, что разстроено и почти разрушено маленькое мое состояніе. Умалчиваю, что у меня дочь невѣста, а кто же захочетъ или посмѣетъ войти въ родство съ человѣкомъ, подозрѣваемымъ въ столь ужасныхъ преступленіяхъ. Умалчиваю о множествѣ горестныхъ для меня подробностей; *не желаю возбуждать состраданія тамъ, гдѣ дѣло идетъ о справедливости*». Затѣмъ Сперанскій проситъ для себя *гласнаго суда*. Если же это сочтено будетъ неудобнымъ, то проситъ «доставить ему способъ оправдать себя противъ словъ не словами, а дѣлами».

Теперь, среди глубокаго мира, когда никакія чрезвычайныя обстоятельства не могли долѣе оправдывать исключительныхъ мѣръ, отказать Сперанскому въ правосудіи или оправданіи не подумалъ и Аракчеевъ. 30 августа 1816 года состоялся указъ: Передъ начатіемъ войны, въ 1812 году, при самомъ отправленіи моемъ къ арміи, доведены были до свѣдѣнія моего обстоятельства, возможность коихъ принудила меня удалить отъ службы тайнаго совѣтника Сперанскаго и д. ст. сов. Магницкаго, къ чему, во всякое другое время, не приступилъ-бы я безъ точнаго изслѣдованія, которое въ тогдашнихъ обстоятельствахъ дѣлалось невозможнымъ. По возвращеніи моемъ, приступилъ я къ внимательному и строгому разсмотрѣнію поступковъ ихъ и не нашелъ убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ. Потому, желая преподать имъ способъ усердною службою очистить себя въ полной мѣрѣ, всемилостивѣйше повелѣваемъ: т. с. Сперанскому быть пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а д. ст. с. Магницкому — воронежскимъ вице-губернаторомъ». Такимъ образомъ суда Сперанскому дано не было, а самое возвращеніе на службу, на должность, сравнительно съ прежнимъ, вполнѣ незначительную, и редакція указа, предоставлявшая ему «очистить себя службою», явились лишь полуоправданіемъ. Такая редакція указа была внушена Аракчеевымъ. Прибавимъ, что указъ былъ данъ 30 авг., въ день

тезоименитства императора, что еще болѣе придавало ему значеніе скорѣе *милости*, нежели *справедливости*. Разрѣшенію на переѣздъ отъ Перми до Великополья тоже приданъ былъ тотъ характеръ *прощенія* тѣмъ, что состоялось оно въ день обнародованія *милостиваго* манифеста, по случаю окончанія войны, причемъ облегчена была участь многихъ преступниковъ. Въѣздъ въ Петербургъ Сперанскому разрѣшенъ не былъ.

Губернаторомъ въ Пензѣ пробылъ Сперанскій съ 30 августа 1816 года по 22 марта 1819 года, т. е. два съ половиною года продолжалась эта «очистительная» служба. Прибытіе его въ Пензу сопровождалось преувеличенными ожиданіями пензенскаго крестьянства и общимъ опасеніемъ дворянства и привилегированныхъ сословій. Въ народѣ говорили, что Сперанскій оффиціально былъ сосланъ за измѣну, но на самомъ дѣлѣ, по наущенію господъ, за желаніе освободить крестьянъ, которымъ онъ и явится теперь защитникъ и заступникъ. Еще въ 1812 году, немедленно послѣ его паденія, «многіе помѣщичьи крестьяне даже отправляли за него заздравные молебны и ставили свѣчи». Оправдать всѣхъ ожиданій народа конечно Сперанскій былъ не въ силахъ. Правда, онъ возбудилъ одно за другимъ два дѣла о жестокомъ обращеніи помѣщика съ крестьянами, именно одно о засѣченіи на смерть и другое объ истязаніи, но эта защита отъ крайностей жестокости и угнетенія и была все, что могъ тогда предпринять наилучше настроенный губернаторъ. Встревоженные этимъ помѣщики успокоились однако, когда Сперанскій скоро и энергично подавилъ крестьянскія волненія, возникшія въ одномъ изъ уѣздовъ. Симпатичность и даже обворожительность личности Сперанскаго довершили примиреніе дворянства съ губернаторомъ и вскорѣ онъ сталъ очень популяренъ. Справедливость, доступность, безкорыстіе, вмѣстѣ съ дѣловитостью и знаніемъ дѣла, привлекли къ нему общую любовь, и когда онъ черезъ два съ половиною года, покидая Пензу, «вышелъ изъ дому, народъ столпился и, окруживъ его въ слезахъ, не хотѣлъ пускать далѣе». Стеченіе народа при его отъѣздѣ было громадное. Толпы народныя провожали его до самаго парома черезъ рѣку и, сопровождая криками благословенія, непритворно плакали. «Да и кто не благословлялъ-бы его? замѣчаетъ современникъ, оставившій намъ описаніе этихъ проводовъ, кто могъ имъ быть недоволенъ? Кто несчастный остался имъ неутѣшеннымъ? Утро 7 мая на берегахъ Суры было истиннымъ торжествомъ добродѣтели».

Будучи только губернаторомъ, Сперанскій однако немедленно

по снятіи опалы, силою независящихъ ни отъ него, ни отъ Александра обстоятельствъ, оказался сейчасъ же у дѣлъ государственныхъ. Его единомышленники, всегда умѣвшіе высоко цѣнить его, Мордвиновъ и Кочубей, незадолго передъ тѣмъ снова вернулись къ дѣламъ государственнымъ, состоя предсѣдателями департаментовъ государственнаго совѣта. Неудивительно, если они интересовались мнѣніями Сперанскаго по вопросамъ, которые поступали на ихъ разрѣшеніе. Гораздо знаменательнѣе было отношеніе мин. фин. Гурьева, дѣлавшаго оппозицію Сперанскому въ бытность его у власти, а теперь пересылавшаго къ нему въ Пензу на его заключеніе и оцѣнку всѣ свои проэкты и планы. Гурьевъ даже рѣшился при случаѣ напомнить государю о той пользѣ, которую принесъ бы Сперанскій, если бы былъ возвращенъ къ государственной дѣятельности, на что получилъ отвѣтъ, что это возвращеніе является лишь вопросомъ времени и даже скораго времени. Увѣдомляя Сперанскаго объ этомъ обѣщаніи Александра, Гурьевъ такъ мотивируетъ свое непремѣнное желаніе видѣть Сперанскаго поскорѣе опять у кормила правленія: «юстиція и полиція суть спутницы финансовъ и онѣ неразрывно должны идти вмѣстѣ. Что же дѣлать, если одна дѣйствуетъ въ духѣ 19 вѣка, а другая нѣсколько вѣковъ позади и ежели еще какая то посторонняя сила домогается все обратить въ состояніе кочующихъ?... Вы одинъ въ состояніи дать направленіе и совокупить къ единству дѣйствія правительственныхъ частей, ежели бы были введены въ кругъ прежняго вашего положенія» *). Такимъ же образомъ и другіе люди, бывшіе прежде въ оппозиціи Сперанскому (напр. Трощинскій), нынѣ желали его возврата, не говоря уже о Кочубеѣ, Мордвиновѣ и другихъ, сохранившихъ либеральныя мнѣнія.

*) Гурьевъ вообще послѣ паденія Сперанскаго держалъ себя относительно опальнаго вполнѣ благородно. Дѣлая ему раньше того оппозицію, этотъ человѣкъ очевидно не ожидалъ, въ руку какой интриги онъ играетъ. Еще когда Сперанскій былъ въ ссылкѣ, онъ Гурьеву же былъ обязанъ назначеніемъ ему содержанія, а затѣмъ и возстановленіемъ ранѣе пожалованной ему аренды. Упомянутое только что его предстательство за Сперанскаго было тоже своего рода гражданскимъ мужествомъ, потому что могло вызвать неудовольствіе Аракчеева. Нельзя поэтому ставить въ особую укоризну Сперанскому слишкомъ хвалебнаго тона, отличающаго его письма къ Гурьеву въ это время. Было бы конечно достойнѣе сохранить ту моральную независимость, которая такъ отличала Сперанскаго раньше и была несовмѣстна съ лестью. Но tempora mutantur et nos mutamur in illis. Гораздо хуже его переписка съ Аракчеевымъ за это время.

«Посторонняя сила, домогающаяся все обратить въ состояніе кочующихъ» (проще говоря, всемогущество Аракчеева съ его милитаризмомъ и тиранією и быстрое возвышеніе Голицына съ его обскурантизмомъ) побуждала всѣхъ, кто еще не проклялъ все, чему поклонялся, и не поклонился всему, что проклиналъ, искать противувѣса и опоры. Сперанскій казался такою опорою, но возвратъ его въ Петербургъ еще рѣшенъ не былъ. Онъ получилъ нѣсколько болѣе важное назначеніе, но не въ столицѣ. 22 марта 1819 года состоялся указъ о назначеніи Сперанскаго сибирскимъ генералъ-губернаторомъ съ чрезвычайными полномочіями для производства ревизіи. Назначеніе это Александръ сопровождалъ милостивымъ рескриптомъ, въ которомъ призналъ, что враги Сперанскаго «несправедливо оклеветали его», и что задача, на него возлагаемая новымъ назначеніемъ, заключается въ обличеніи злоупотребленій и въ разработкѣ плана реформы сибирскаго управленія, каковой планъ поручалось ему привезти въ Петербургъ для личнаго доклада императору. Въ частномъ собственноручномъ письмѣ Александра, единовременно присланномъ, указывалось, что заслуга сибирской ревизіи и реформы откроетъ ему, Александру, возможность поставить Сперанскаго въ положеніе, «болѣе сходное тому приближенію, въ коемъ я привыкъ къ вамъ находиться». Тѣмъ не менѣе Сперанскій былъ очень встревоженъ сибирскимъ назначеніемъ. Онъ опасался, не новая-ли это ловушка, устроенная его врагами? 7 мая 1819 года отбылъ Сперанскій изъ Пензы, а 22 мая онъ уже прибылъ въ Томскъ, вступивъ въ предѣлы Сибири, цѣлаго царства, даннаго нынѣ ему въ полное распоряженіе.

Это царство управлялось на иныхъ началахъ, нежели русское царство въ Европѣ. Какъ ни были неудовлетворительны русско-европейскіе порядки того времени, сравнительно съ сибирскими они могли казаться совершенствомъ. Произволъ и личное усмотрѣніе правящихъ лицъ замѣняли въ Сибири законы не только de facto, но почти de jure. Въ XVIII вѣкѣ нерѣдко приходилось смѣнять зарвавшихся чиновниковъ военною силою. Это можетъ служить мѣрою слабаго вліянія центральной власти и самостоятельности и независимости сибирскаго управленія. Мѣры же ихъ произволу и деспотизму и вовсе не было. Это была по истинѣ система сатрапій, гдѣ личная воля крупныхъ и мелкихъ тирановъ замѣняла собою и законъ, и правосудіе, и всѣ инстанціи, и вѣдомства управленія. До особеннаго безобразія дошло дѣло при генералъ-губернаторствѣ Пестеля, пользовавшагося покровитель-

своимъ Аракчеева. Онъ управлялъ Сибирью 14 лѣтъ и далъ отличный примѣръ системы сатрапій и пашалыковъ. Самъ живя почти постоянно въ Петербургѣ для поддержанія своего значенія, онъ управлялъ Сибирью черезъ окружнаго губернатора.

Дорожа мѣстомъ и не злоупотребляя вниманіемъ читателей, мы не отправимся за Сперанскимъ въ Сибирь и не будемъ вмѣстѣ съ нимъ обличать крупныхъ и мелкихъ грабителей и воровъ, цѣлою ордою угнетавшихъ забытый и отдаленный край. Скажемъ только о результатахъ ревизіи.

«Ревизія его, замѣчаетъ бар. Корфъ, болѣе была совѣстна, чѣмъ строго соотвѣтствовала законнымъ формальностямъ, и многое въ ней было окончено собственною его властью, безъ мѣръ особенно крутыхъ, но однако же и безъ послабленія». Сперанскій постоянно держался мнѣнія, что виновны не люди, а установленія, и что «неправильный ходъ дѣлъ введенъ и терпимъ былъ многолѣтними попущеніями». Сперанскій не столько желалъ карать прошлое, сколько обезпечить будущее. «При всемъ томъ въ окончательномъ выводѣ ревизіи, несмотря на множество рѣшеннаго на мѣстѣ, все еще оказалось 73 дѣла, слѣдовавшія къ высшему разсмотрѣнію, и по нимъ насчитывалось обвиненныхъ 680 человѣкъ и суммъ ко взысканію на 2,850,000 р.». Два губернатора, иркутскій—Трескинъ и томскій — Илличевскій, были отданы подъ судъ съ устраненіемъ отъ службы. Эта ревизія произвела громадное впечатлѣніе въ Сибири и впервые показала сибирякамъ, что порою и для нихъ можетъ найтись правосудіе и справедливость. Сперанскій безъ всякаго сомнѣнія первый *поднялъ* въ Сибири знамя *законности*. Такова была задача его ревизіи; по возможности *упрочить* законность въ сибирской жизни и управленіи было задачею его реформы, или, какъ онъ самъ выражался, «преобразить личную власть въ установленіе и, согласивъ единство ея дѣйствія съ гласностью, охранить ее отъ самовластія и злоупотребленій законными средствами, изъ самого порядка дѣлъ возникающими, и учредить ея дѣйствіе такъ, чтобы оно было не личнымъ и домашнимъ, но публичнымъ и служебнымъ».

Конечно Сперанскій, ставя себѣ подобную задачу, не могъ обманывать себя и ласкать иллюзіей ея выполнимости въ полномъ объемѣ. Сама европейская Россія требовала еще очень многаго, чтобы отвѣтить поставленному здѣсь идеалу, но она отвѣчала ему болѣе, нежели Сибирь, гораздо болѣе уже хотя бы потому, что для нея, въ сознаніи управляющихъ и управляемыхъ, идеалъ закон-

ности былъ уже признанъ, какъ задача и цѣль. Въ Сибири временъ Сперанскаго и это было новостью. Беззаконіе и личное усмотрѣніе всесильнаго сатрапа (на всѣхъ ступеняхъ власти, отъ генералъ-губернатора до исправника и волостного писаря) было фактомъ, освященнымъ признаніемъ правительства и сознаніемъ населенія. Поэтому-то, если надежда дать Сибири учрежденія, осуществляющія всю намѣченную задачу, была бы со стороны Сперанскаго странною иллюзіей, то попытка возвысить сибирскіе порядки до русско-европейскихъ представлялась задачею, не безнадежною и вполнѣ достойною труда и заботы. Эту задачу реформа Сперанскаго достигла вполнѣ и всякая критика этой реформы съ иной точки зрѣнія была бы несправедлива и нелогична. Только на высшее гражданское сознаніе и высшее государственное пониманіе метрополіи можно было опереться, реформируя низшій гражданскій строй колоніи. Естественно, что превзойти въ этой реформѣ мѣру гражданскаго и государственнаго развитія метрополіи было совершенною невозможностью. Только работая надъ повышеніемъ русскаго государственнаго и гражданскаго развитія и порядка вообще, можно было надѣяться въ частности достигнуть и дальнѣйшаго повышенія сибирскаго строя и сибирскаго сознанія. Единственно, что можно было требовать отъ Сперанскаго, чтобы, поднимая Сибирь до Европейской Россіи, онъ избѣгнулъ насажденія въ Сибири тѣхъ сторонъ русско-европейскаго строя, которыя хотя и соотвѣтствовали той стадіи государственнаго и гражданскаго развитія, на которой тогдашняя Россія стояла, но являлись препятствіями на пути ея дальнѣйшаго развитія. Крѣпостное право и частное крупное землевладѣніе были этими главными тормазами—и ихъ не знала Сибирь. Сперанскій не допустилъ ихъ распространенія на Сибирь. Въ остальномъ его сибирское учрежденіе было не болѣе, какъ насажденіемъ русско-европейскаго строя управленія, очень умно и искусно примѣненнаго къ мѣстнымъ условіямъ. «Всѣ они (учрежденія), писалъ Сперанскій, представляютъ болѣе планъ къ постепенному образованію Сибирскаго управленія, нежели внезапную перемѣну».

Если реформировать сибирское управленіе такъ, чтобы оно полноправному русскому населенію Сибири давало тѣ же права и тѣ же гарантіи, какими это населеніе пользовалось въ Европейской Россіи,—и было главною кардинальною задачею реформы, то нельзя было забыть и два другіе неполноправные элемента сибирскаго населенія, инородцевъ и ссыльныхъ. Сперанскій обратилъ

самое серьезное вниманіе и на эти вопросы, и все, что сдѣлано въ огражденіе и обезпеченіе быта этихъ парій Сибири, было предложено и проведено Сперанскимъ. Имъ же впервые регулировано переселеніе казенныхъ крестьянъ европейской Россіи на свободныя земли въ Сибири. Не перечисляемъ массы менѣе важныхъ проэктовъ и плановъ, вывезенныхъ Сперанскимъ изъ Сибири. Нимало не впадая въ преувеличеніе, можно повторить мнѣніе, выраженное гр. Уваровымъ о значеніи миссіи Сперанскаго, именно, что исторія Сибири подъ русскимъ владычествомъ раздѣляется на два періода: отъ Ермака до Сперанскаго и послѣ Сперанскаго (мы сказали бы: на періодъ сатрапій и на періодъ бюрократическій).

22 марта 1821 года, черезъ девять лѣтъ и пять дней послѣ высылки, въѣхалъ Сперанскій вновь въ Петербургъ съ результатами своей ревизіи и съ обширнымъ проэктомъ сибирской реформы. Александръ былъ въ отсутствіи на конгрессѣ, такъ что только 6 іюня состоялось ихъ первое свиданіе. Пріемъ былъ холодный. Однако, въ награду за труды, Сперанскому пожалована земля въ Пензенской губерніи и вмѣстѣ съ тѣмъ состоялось его назначеніе членомъ государственнаго совѣта. Ревизія его разрѣшена была во всемъ согласно его представленію, а равно и проэкты одобрены за незначительными измѣненіями. Самое существенное измѣненіе заключалось въ томъ, что отвергнуто его предложеніе объ освобожденіи подзаводскихъ удѣльныхъ крестьянъ Алтайскаго горнаго округа. Покупка въ рабство инородцевъ однако была запрещена. Разсмотрѣніе и окончательная редакція всего этого громаднаго труда заняла собою слишкомъ годъ, и только 22 іюля 1822 года состоялось Высочайшее утвержденіе новаго сибирскаго учрежденія, но вмѣстѣ съ этимъ утвержденіемъ почти прекратились и личныя свиданія съ императоромъ, который совершенно охладѣлъ къ своему прежнему любимцу. Надежды, возлагавшіяся столь многими на возвращеніе Сперанскаго, нимало не оправдались. Бывшій государственный секретарь менѣе кого-либо другого оказался въ силахъ стать противовѣсомъ всемогуществу Аракчеева и обскурантизму Голицына и его сподвижникамъ, Магницкимъ, Руничамъ и др. Къ тому времени относится составленная Сперанскимъ записка въ защиту военныхъ поселеній, въ угоду Аракчеева. Единственнымъ смягчающимъ обстоятельствомъ этого самаго дурного дѣла его жизни можетъ служить лишь то, что Сперанскій при этомъ добивался изданія точнаго устава о военныхъ поселеніяхъ, кото-

рый-бы поставилъ законъ на мѣсто усмотрѣнія начальства. Но его-то Аракчееву и не было надобно, и эта затѣя Сперанскаго не получила осуществленія.

Главное порученіе, возложенное на Сперанскаго въ эти послѣдніе годы правленія Александра, было опять то же *уложеніе*, которое имъ составлялось и редактировалось въ 1808—1812 гг. и которое затѣмъ было передѣлано Розенкампфомъ. Снова пересмотрѣнное и передѣланное Сперанскимъ, оно опять поступило въ государственный совѣтъ, гдѣ однако до дня кончины Александра разсмотрѣніемъ окончено не было. Съ воцареніемъ императора Николая дѣлу этому данъ былъ совершенно иной ходъ. Кончина Александра открыла Сперанскому новыя перспективы дѣятельности государственной, хотя уже въ совершенно иныхъ условіяхъ и съ совершенно иными задачами. Не реформировать существующій строй, а прочно его организовать было поставлено задачею внутренней политики. Въ этой задачѣ была отведена и Сперанскому своя доля, соотвѣтствующая его способностямъ и его спеціальности. Долгое время Россія и знала своего великаго государственнаго человѣка почти исключительно по совершенному имъ въ этотъ старческій періодъ его государственной дѣятельности. При воцареніи Николая ему было 54 года. *Сперанскій-кодификаторъ* надолго заслонилъ собою *Сперанскаго-реформатора*. Изданіе *Полнаго Собранія Законовъ* и составленіе *Свода Законовъ* составляютъ громадную заслугу Сперанскаго въ это время, послѣдній подвигъ труда на пользу родины и ея гражданственности. Въ этомъ трудѣ, по словамъ бар. Корфа, лично сотрудничавшаго Сперанскому въ работахъ по кодификаціи, въ этомъ трудѣ у него была «еще и другая, болѣе отдаленная цѣль, именно чрезъ извлеченіе нашихъ законовъ изъ прежняго хаоса и черезъ большую доступность ихъ перевоспитать умы, ввести народъ въ юридическую среду, расширить его понятія о правѣ и законности и такимъ образомъ усилить его воспріимчивость къ высшему кругу идей и къ большему участію въ мѣрахъ, для него самого предпринимаемыхъ». Въ это же время, все съ тою же цѣлью, Сперанскій заботится о развитіи высшаго юридическаго образованія въ Россіи. Въ нашихъ университетахъ юридическіе факультеты были очень плохо поставлены и блистали совершеннымъ отсутствіемъ русскихъ профессоровъ. Русское правовѣдѣніе не преподавалось вовсе. Вѣрнѣе, его вовсе не существовало. Сперанскій настоялъ на измѣненіи этого порядка или, вѣрнѣе, этого непорядка. По его выбору, около

десятка молодыхъ людей были посланы за-границу въ лучшіе юридическіе факультеты для теоретической подготовки къ правовѣдѣнію съ тѣмъ, чтобы потомъ стать основателями и піонерами русскаго правовѣдѣнія. Если скажемъ, что въ числѣ этихъ избранныхъ Сперанскимъ молодыхъ юристовъ были: Неволинъ, Баршевъ, Куницынъ, Рѣдкинъ, то нельзя не признать за Сперанскимъ заслуги насажденія въ Россіи высшаго юридическаго образованія. Самъ онъ тоже дѣятельно подготовлялъ практическихъ юристовъ, продолжателей его кодификаціонныхъ трудовъ. Но несомнѣнно важнѣе этого было возложенное на него императоромъ Николаемъ преподаваніе основаній правовѣдѣнія наслѣднику престола, будущему императору Александру II. Принципіальное сходство многихъ изъ реформъ, осуществленныхъ въ правленіе Александра II, съ нѣкоторыми частями плана реформъ, проэктированныхъ Сперанскимъ, едва-ли можно почитать единственно дѣломъ случая.

Въ правленіе императора Николая пришлось Сперанскому засѣдать еще въ верховномъ уголовномъ судѣ по дѣлу декабристовъ *) и въ такъ называемомъ комитетѣ 6 декабря, учрежденномъ въ первый годъ правленія Николая съ цѣлью обсудить, не нуждается-ли наше гражданское устройство въ какихъ-либо улучшеніяхъ и преобразованіяхъ. Задачи были впрочемъ заранѣе очень ограничены. Здѣсь Сперанскій пробовалъ вновь поставить на очередь свой проэктъ преобразованія сената, уже разсмотрѣнный государственнымъ совѣтомъ въ 1812 году, но за паденіемъ его автора, оставшійся не приведеннымъ въ исполненіе. Эта попытка Сперанскому не удалась; болѣе имѣло успѣха его стараніе положить начало ограниченію крѣпостного права, въ видѣ воспрещенія продажи людей безъ земли, продажи членовъ семьи въ разныя руки и пр. Эти ограниченія, одобренныя комитетомъ 6 декабря, были, съ одобренія императора, внесены въ государственный совѣтъ, который и принялъ ихъ, но іюльская революція въ Парижѣ и послѣдовавшія затѣмъ революціи—польская и бельгійская,—побудили отложить и это осторожное заявленіе противъ крѣпостного права. Сперанскому не пришлось дожить до какихъ-либо мѣръ въ пользу крестьянъ. Осыпанный милостями молодого императора, произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники,

*) Сперанскій засѣдалъ въ этомъ судѣ въ качествѣ члена гос. совѣта. Его многіе упрекали за согласіе его съ суровымъ приговоромъ, произнесеннымъ надъ декабристами этимъ судилищемъ. Извѣстно однако, что Сперанскій высказался противъ смертныхъ казней.

возведенный въ достоинство графа, назначенный предсѣдателемъ департамента законовъ гос. сов., награжденный орденомъ Андрея Первозваннаго, онъ скончался въ Петербургѣ, шестидесяти семи лѣтъ, 18 февраля 1839 года...

Личная жизнь Сперанскаго, послѣ возвращенія изъ ссылки, очень бѣдна событіями. Выходъ замужъ его дочери Елизаветы Михайловны за Фролова-Багрѣева, племянника Кочубея, былъ самымъ замѣтнымъ событіемъ за послѣдніе восемнадцать лѣтъ его тихой, трудовой жизни. Послѣ себя онъ оставилъ дочь съ двумя дѣтьми, внукомъ Михаиломъ, убитымъ на Кавказѣ въ 1844 году, и внучкою, въ замужествѣ княгинею Кантакузенъ. Дѣтямъ этой единственной вѣтви нашего государственнаго дѣятеля разрѣшено было присоединить къ своей фамиліи и своему титулу князей Кантакузиныхъ, фамилію и титулъ графовъ Сперанскихъ. Кромѣ этого знаменитаго имени, въ наслѣдство своимъ внукамъ нашъ реформаторъ оставилъ послѣ себя имѣніе въ 2,900 душъ и 600,000 руб. долга, т. е. никакого состоянія...

Таковъ былъ скромный балансъ *личной* жизни великаго государственнаго человѣка. Не такъ легко и просто подводится балансъ его огромной и разносторонней дѣятельности, его *исторической* жизни. «Изумительное творчество сильной мысли, замѣчаетъ г. Филипповъ, громадная энергія и неустанная жажда дѣятельности, *вся* постоянно *обращенная*, въ той или другой формѣ, *на осуществленіе начала законности* въ управленіи государствомъ,—вотъ что отличаетъ Сперанскаго съ первыхъ до послѣднихъ минутъ его жизни. Нельзя удачнѣе прорезюмировать ту сущность и то направленіе громадной работы знаменитаго дѣятеля, которая однимъ истолкованіемъ объединяетъ оба періода его дѣятельности. Возьмемъ-ли первый періодъ, исполненный преобразовательныхъ плановъ и широкихъ надеждъ, мы должны признать, что центральною задачею этихъ плановъ и надеждъ является полное торжество идеи законности. Когда надломленный жестокими превратностями личной судьбы своей, Сперанскій снова возвращается на государственное поприще, онъ является къ этому новому служенію съ тѣмъ-же знаменемъ законности въ рукахъ. Онъ уже не дерзаетъ добиваться ея полнаго торжества надъ беззаконіемъ и произволомъ, но къ ея росту и возвышенію направлены всѣ его усилія. Сибирская реформа стремится поднять значеніе законности въ Сибири, хотя-бы до уровня, на которомъ историческій моментъ реформы застаетъ ее въ Европейской Россіи. Громадный подвигъ

кодификаціи является тоже значительнымъ шагомъ по этому пути. Заботы о высшемъ юридическомъ образованіи въ Россіи, преподаваніе правовѣдѣнія наслѣднику престола, проэкты, внесенные въ комитетъ 6 декабря, — все направлено къ тому же, все одушевлено мыслью укрѣпить и возвысить идею законности, столь пренебрегаемую эпохою, въ которой пришлось работать и дѣйствовать Сперанскому. Нельзя отказать ему и въ томъ, что это было не одно только стремленіе и доброе желаніе, но что ему дѣйствительно удалось многое сдѣлать и еще болѣе того подготовить для роста и торжества законности въ русскомъ строѣ гражданской и государственной жизни.

Сама идея законности однако можетъ осуществляться при весьма различныхъ общественныхъ условіяхъ и торжествовать надъ далеко не одинаковыми формами государственной и гражданской жизни. Само рабство можетъ быть законнымъ учрежденіемъ, не говоря уже о привилегіяхъ, монополіи, экономической кабалѣ и другихъ способахъ, коими человѣчество обыкло замѣнять рабство, когда исторія дѣлаетъ его въ обнаженной формѣ болѣе невозможнымъ. Тоже самое относится и ко всѣмъ другимъ формамъ общественной жизни. Идея законности, отвлеченная отъ всѣхъ этихъ условій и формъ осуществленія, является тѣмъ мертвымъ и мертвящимъ доктринерствомъ, которое создало знаменитое изреченіе: pereat mundus, fiat justitia, и которое не знаетъ и не желаетъ знать, что и сама законность существуетъ для людей, а не люди—для законности. Сперанскаго нельзя упрекнуть въ этомъ сухомъ, гелертерски-ограниченномъ доктринерствѣ. Отнюдь не былъ онъ политическимъ индифферентистомъ и имѣлъ очень ясныя представленія и идеалы не только болѣе законнаго, но и болѣе справедливаго, болѣе благодѣтельнаго гражданскаго строя. Первый періодъ его государственной дѣятельности и отличается тѣмъ, что полное торжество идеи и законности въ задачахъ его дѣятельности тѣсно и неразрывно связывается съ такимъ же торжествомъ справедливости, просвѣщенія, свободы, общаго благосостоянія. Существенное отличіе второго періода именно въ томъ и заключается, что это единство лучшей формы и лучшаго содержанія было нарушено, и государственная дѣятельность Сперанскаго все болѣе и болѣе сосредоточиваетъ свои задачи около формы (законность) и все болѣе упускаетъ изъ виду содержаніе (справедливость). Время дѣлало такое разложеніе исторически необходимымъ, и Сперанскій лишь подчинялся этимъ новымъ условіямъ

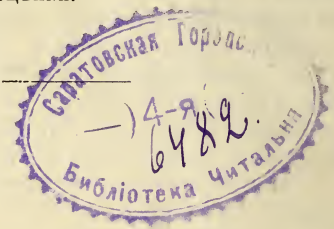
дѣятельности. Можно только оговориться, что въ первый періодъ своей государственной дѣятельности онъ не подчинился бы имъ.

Мы говорили выше, въ своемъ мѣстѣ, достаточно подробно о *содержаніи* преобразовательныхъ плановъ Сперанскаго, чтобы теперь снова повторять сказанное, но не можемъ не указать въ заключеніе на дѣйствительное значеніе, которое имѣло въ нашей исторіи то, что осуществилось изъ преобразовательныхъ плановъ Сперанскаго. Его стремленіе ограничить силу и власть бюрократіи организованною силою и властью общества не получило осуществленія, но лучшая, болѣе совершенная организація самой бюрократіи стала закономъ и вошла въ жизнь. Его планы мѣстнаго самоуправленія и децентрализаціи остались въ проэктѣ, но стройное распредѣленіе управленія между центральными вѣдомствами были проведены въ жизнь. Такимъ образомъ, по идеѣ врагъ бюрократической опеки и централизаціи, Сперанскій оказался въ концѣ концовъ организаторомъ именно бюрократіи, облегчившей централизацію и опеку. Указъ въ августѣ 1809 года, очистившій бюрократію отъ невѣжественнаго чиновничества и возвысившій образовательный цензъ для вступленія въ ряды бюрократіи, хотя и вызвалъ вражду и ненависть чиновничества того времени, но вообще отозвался возвышеніемъ его роли и значенія. Еще важнѣе указъ 3 апр. 1809 года, сломившій привилегію природнаго вельможества надъ бюрократіей. Въ XVIII вѣкѣ сановники выходили изъ вельможъ, въ XIX-же вельможи стали выходить изъ сановниковъ; въ XVIII вѣкѣ человѣкъ становился сановникомъ, потому что былъ вельможею, въ XIX — онъ становится вельможею, потому что сталъ сановникомъ. Это развитіе отъ аристократизма къ бюрократизму было общимъ теченіемъ нашей исторіи разсматриваемаго періода. Не Сперанскій его создалъ; онъ даже желалъ бороться съ нимъ, но сила историческаго теченія откинула въ его трудахъ все, что̀ противорѣчило этому прогрессу бюрократическаго начала, и осуществило все, что̀ ему помогало и содѣйствовало. Русское вельможество и русское дворянство, соединившіяся въ 1808 – 1812 гг. съ бюрократіею въ борьбѣ противъ Сперанскаго, сами подписали свой приговоръ и вычеркнули себя изъ самостоятельныхъ историческихъ элементовъ нашей жизни. Страхъ за крѣпостное право, политическая недальновидность и мелкіе своекорыстные личные счеты увлекли ихъ въ этотъ недостойный союзъ противъ великаго государственнаго человѣка, желавшаго призвать русское общество къ исторической жизни и освободить

его отъ тѣсныхъ помочей бюрократической попечительности. Съ ослѣпленною злобою, съ остервененіемъ, вельможи и дворяне того времени набросились на одинокаго реформатора, сильнаго только логикой, патріотизмомъ и геніальнымъ предвидѣніемъ. Его клеветало, оскорбляло, унижало то самое общество, среди котораго онъ подъялъ этотъ громадный и смѣлый трудъ; но этому же самому обществу, этому же самому поколѣнію Пушкинъ бросилъ въ глаза, хотя и по другому поводу, упрекъ:

Жрецы минутнаго! Поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается пустой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!...

И для Сперанскаго повидимому наступилъ уже этотъ срокъ посмертнаго признанія и оцѣнки.



Популярно-научныя книги.

Философ'я Г. Спенсера въ сокращен. изложеніи *Г. Коллинса*. Пер. *И. Мокіевскаго*. Ц. 2 р.

Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге*. Переводъ съ нѣмецкаго Ц 1 р. 25 к.

Законы подражанія. *Тарда*. Ц. 1 р. 50 к

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмединген*а. Ц. 60 коп.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмединген*а. Части 1 и 2-я. Ц. каждой 50 к.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейер*а. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдам*а. Съ 7 рис. Ц. 40 к.

Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брэма*. Со многими рис. Ц. 2 р.

Первобытные люди. *Дебьера*. Съ многими рисунками. Ц. 1 р.

Фабричная гигіена. *В. В. Святловскаго*. 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.

Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей. *Шубелера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Который часъ? *И. Вавилова*. Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Ц 30 к.

Психологія вниманія. Д-ра *Рибо*. 2 изд. Ц. 40 к.

Записки желудка. Перев. съ 10 анг. изд. Ц. 50 к.

Физіологія души. *А. Герцена*. Ц. 1 р.

Міръ грезъ. *Д-ра Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Ручной трудъ. *Графиньи*. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ пер.—2 р.

Экстазы человѣка. *М. Пантегацца*. Переводъ съ 5-го итальян. изданія Ц. 1 р. 50 к.

Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки. *Д-ра Ренъяра*. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд. (60 рис.) Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона*. 2-е изд. Съ 100 рис. Ц. 1 р.

Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера* и *Присса*. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическіе элементы. Соч. *Hioде*. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

Электр. аккумуляторы. *Ренье*. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ*. Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева*. Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье*. 340 рис. Ц. 1 р. 50 коп.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона*. Съ 230 рис. Ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье*. Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье*. Со множествомъ рис. Ц. 2 р.

Электрическіезвонки. *Боттона*. Съ крат. свѣдѣніями о воздуш. звонкахъ. 114 рис. Ц. 1 р.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина. Ц. 75 к.

Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли*. Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса*. Пер. съ франц. *Ф. Павленкова*. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А Секки*. Перев. съ франц. *Ф. Павленкова*. 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Частная медицинская діагностика. Руководство для прак. врачей. Составилъ проф. *Да-Коста*. 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд. Ц. 2 р.

Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера*. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо*. Съ портретомъ автора и рис. 2-е изд. Ц. 1 р.

Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсенъ*. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье*. Съ 34 рисун. Ц. 50 к.

Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Бар. *Н. Корфа*. Ц. 10 к.

Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго*. Съ 73 рис. 2-е изд. Цѣна 60 коп.

Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Болотовскаго*. Ц. 20 к.

Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав. *М. Климa*. Пер. *Н. Корфъ*. Ц. 75 к.

Гигіена семьи. *Гебера*. Ц. 50 к.

Гигіена женщины. *М. Тило*. Ц. 40 к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА,

1) **Экстазы человѣка.** *П Мантегацца*. Въ 2-хъ частяхъ Ц. 1 р 50 к.; 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо*. Ц. 40 к.; 3) **Берегите легкія** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера*. Ц. 1 р. 50 к.; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле*. съ рис. Ц. 1 р. 25 к ; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена*. Ц. 1 р ; 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли*. 2-е изд. Ц. 1 р ; 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера*. Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к ; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи, Ц. 1 р. 10) **Первобытные люди.** *Дебьера* Со многими рис. Ц. 1 р. 11) **Законы подражанія.** *Тарда*. Ц. 1 р 50 к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо*. Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона*. Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 14) **Гигіена семьи.** *Гебера*. Ц. 50 к 15) **Бактеріи** и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Книги для дѣтей и юношества.

Иллюстрированные романы Диккенса въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой*. 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крючка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Цѣна каждаго романа **40** к. Въ папкѣ **50** к., въ переплетѣ по 6 ром. вмѣстѣ—**3** р. **25** к.

Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круглова*. Съ 43 рис. Ц. **1** р. **25** к., въ папкѣ **1** р. **50** к., въ пер. **2** р.

Дѣтскій маскарадъ. *Азбелева*. Съ16рис. Ц.**20**к.

Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *Бажиной*. Съ44рисунками. Ц. **1**р. Въ папкѣ—**1** р. **25** к. Въ переплетѣ—**1** р. **60** к

Два проказника. Шуточный разсказъ въ стихахъ. *В. Буша*. 100 рис. Ц. **60** к., въ папкѣ **75** к., въ переплетѣ **1** р. **25** к.

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова*. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множество рисунковъ. Ц. **2** р., въ папкѣ **2** р. **50** к., въ переплетѣ **3** р.

Въ добрый часъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *А. Лякидэ*. Съ рисунками. Ц. **75** к., въ папкѣ **1** р., въ переплетѣ **1** р. **25** к.

Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго*. Два тома съ 135 рис. Цѣна каждаго въ папкѣ **1** р. **50** к. Въ переплетѣ **2** р.

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго*. Съ 45 рисунками. 2-е изданіе. Цѣна **1** р., въ папкѣ **1** р. **25** к., въ перен. **1** р. **60** к.

Изъ жизни и исторіи. *А. Арсеньева*. Съ рис. Цѣна въ папкѣ **1** р. **50** к., въ переплетѣ **2** р.

Послушаемъ! Дѣт. разсказы. *Нольде*. Съ 28 рис. въ папкѣ **1** р., въ перепл. **1** р. **35** к.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ). *Ф. Павленкова*. 10 листовъ (на каждомъ по 20 рис.) Ц. **1** р. „Объясненіе“ къ нимъ **5** к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера*. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 107 рис. Ц. **30** к., въ папкѣ **40** к. въ перен., **60** к.

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой*. 1) Веверлей, 2) Антикваръ, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ. 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ и др. Ц. каждаго романа **40** к., въ папкѣ **50** к., въ переплетѣ по 5 романовъ вмѣстѣ Ц. **2** р. **80** к

Черные богатыри. *Е. Конради*. Со множествомъ рис. Цѣна **2** р., въ перепл. **2** р. **75** коп.

Математическіе софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что $2\times2=5$, часть больше своего цѣлаго, и проч. Составилъ *В. Обреимовъ*. Ц. **40** к.

Математическія развлеченія. *Люкаса*. Переводъ съ франц. Съ 55 фигурами и таблицами. Ц. **1** р. въ перен. **1** р. **75** к.

Тройная головоломка. *В. Обреимова*. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. и 39 кастетами. Ц. **1** р.

Образовательное путешествіе. Живописные очерки отдаленныхъ странъ. *С. Ворисгофера*. 2-е изд. Съ 73 рис. Ц **1** р. **50** к., въ папкѣ **1** р. **75** к., въ перен. **2** р. **25** к.

Чрезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. *С. Ворисгофера*. Съ иллюстр. Ц. **2** р. въ папкѣ **2** р. **25** к. въ перен. **2** р. **75** к.

Сказочная страна. Приключенія двухъ матросовъ. *С. Ворисгофера*. Съ иллюстр. Ц. **2** р., въ папкѣ **2** р. **25** к. въ переплетѣ **2** р. **75** к.

Приключенія контрабандиста. *С. Ворисгофера*. Съ иллюстраціями. Цѣна **1** р. **50** к., въ папкѣ **1** р. **75** к., въ переплетѣ **2** р. **25** к.

Мученики науки. *Г. Тисандье*. Переводъ подъ редакціей *Ф. Павленкова*. Съ 55 рис. 3-е изд. Ц. **1** р **25** к. Въ переплетѣ **2** р.

Вэчерніе досуги. *Круглова*. Съ 70 рис. Ц. **1** р **25** к. въ папкѣ **1** р. **50** к., въ переплетѣ **2** р

Научныя развлеченія. *Г. Тисандье*. Пер. подъ редак. *Ф. Павленкова*. 3-е изд., съ 353 рис. Ц. **1** р. **50** к., въ переплетѣ—**2** р **25** к.

Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Цѣна **1** р. **25** к. въ папкѣ **1** р. **50** к., въ переплетѣ **1** р. **75** к

На землѣ и подъ землей. Сборникъ разсказовъ *Галузьева*. Съ 40 рис. Ц. **1** р. **25** к. въ папкѣ—**1** р. **50** к., въ пер. **2** р.

Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика. *П. Засодимскаго*. Ц. каждой книжкѣ по **35** к.

Живыя картинки. *А. Смирнова*. Сборникъ разсказовъ. Съ 50-ю рис. Ц. **1** р. **50** к., въ папкѣ. **1** р. **75** к., въ пер. **2** р.

Янки Вологодскаго уѣзда *А. Круглова*. Съ 6 рисун Ц. **25** к.

Незабудки. *А. Круглова*. Съ 50 рис. Ц. **1** р. **50** к въ папкѣ **1** р. **75** к , въ пер **2** р.

Приключенія сверчка. *Э. Кандеза*. Съ 67 рис. Ц. **2** р. въ пап. **2** р. **25** к., въ пер **2** р. **50** к.

Исторія открытія Америки. *Ламе Флери*. Съ 52 рис. Ц. **75** к.. въ пап. **1** р., въ пер. **1** р. **30** к.

Двадцать біографій образцовыхъ русск. писателей. Сост. *В. Острогорскій*. Съ 20портретами. Ц **50** к. Въ папкѣ **75** к. Въ перен. —**1**р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Демонъ.** Съ 9 рис. Ц. **6** к.—2) **Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис. Ц. **3** к.—3) **Измаилъ-Бей.** Съ 9 рис. Ц. **10** к.—4) **Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. Ц. **3** к.—5) **Бояринъ Орша.** Съ 7 рис. Ц. **4** к.—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. **3** к.—7) **Мцыри.** Съ 7 рис. Ц. **4** к.—8) **Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. **3** к.—9) **Литвинка.** Съ 5 рис. Ц. **3** к.—10) **Каллы.** Съ 3 рис. Ц. **2** к.—11) **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц. **3** к.—12) **Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. **2** к.—13) **Черкесы.** Съ 5 рис. Ц. **2** к.—14) **Джуліо.** Съ 3 рис. Ц. **3** к.—15) **Казначейша.** Съ 5 рис. Ц. **4** к.—16) **Герой нашего времени.** Съ 23 рис Ц. **25** к.—17) **Бэла.** Съ 9 рис. Ц. **8** к.—18) **Тамань.** Съ 5 рис. Ц. **3** к —19) **Княжна Мери.** Съ 9 рис. Ц. **12** к.—20) **Фаталистъ.** Съ 3 рис. Ц. **2** к.—21) **Призракъ.** Съ 3 рис Ц **3** к.—22) **Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц **10** к.—23) **Испанцы.** Съ 5 рис. Ц. **10** к —24) **Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. **2** к.—25) **Княгиня Лиговская.** Романъ Съ 5 рис. Ц. **8** к.—26) **Люди и страсти.** Трагедія. Съ 5 рис. Ц. **8** к.—27) **Странный человѣкъ.** Романтическая драма. Съ 5 рис Ц. **8** к.—28) **Два брата.** Драма. Съ 5 рис Ц. **5** к.—29) **Всѣ баллады и легенды.** Съ 3 рис. Ц **5** к.—30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Съ 9 рис Ц. **7** к

Осенью 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ биографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдутъ біографіи слѣд. лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ. Байронъ, Бальзакъ, **Ф. Бекономъ**, Бетховенъ, Бисмаркъ, Боккачіо, **Р. Вагнеръ**, Вашингтонъ Л. Винчи, Вольтеръ, **Галилей**, Гарвей, Гарибальди, **Гарриксъ**, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ, Григорій VII, **А. Гумбольдтъ**, **Гусъ**, Гутенбергъ, **Гюго**, Дагерръ, **Дантъ**, **Дарвинъ**, Декартъ, Дженнеръ, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ Зандъ, Золя, Кантъ, Кальвинъ, **Кеплеръ**, Колумбъ, Конт, **Конфуцій**, Коперникъ, Р. Кохъ, Кромвель, Кукъ, **Кювье**, **Лавуазье**, Лессепсъ, **Лессингъ**, **Ливингстонъ**, **Линкольнъ**, Линней, **Лойола**, Лютеръ, Магометъ, Макіавелли, Меттернихъ, Микель-Анджело, Мольеръ, Мильтонъ, Мирабо, **Мицкевичъ**, **Морзе**, **Томасъ Моръ**, Моцартъ, Наполеонъ I, Ньютонъ, Оуэнъ, Паскаль, Пастеръ, Песталоцци, Прудонъ, Рабле, **Рафаэль**, Ротшильдъ, Руссо, **Свифтъ**, Сервантесъ, **В. Скоттъ**, А. Смитъ, Спиноза, **Стэнли**, Стефенсонъ, Теккерей, **Уаттъ**, Фарадей, Франклинъ Франциск-Ассизскій, Фультонъ, Шекспиръ, Шиллеръ, **Шопенгауеръ**, **Эдисонъ**, Эразмъ, и другіе.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ. Аввакумъ, Аксаковы, Аракчеевъ, Боткинъ, **Бѣлинскій**, В. В. Верещагинъ, Волковъ (основатель русскаго театра), Гоголь, Грановскій, Грибоѣдовъ, **Демидовы**, Достоевскій, Ермакъ, Каразинъ (основатель харьковскаго университета), Карамзинъ, Кантемиръ, Кольцовъ, **Крашевской**, **Крыловъ**, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Некрасовъ, Никонъ, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій, Пироговъ, Посошковъ, **Пржевальскій**, **Пушкинъ**, Радищевъ, **Салтыковъ**, Скобелевъ, **Сперанскій**, Суворовъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Ушинскій, Шевченко, Щепкинъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка**, *въ 80—100 страницъ съ портретомъ.*

Черненькимъ шрифтомъ напечатаны имена тѣхъ лицъ, біографіи которыхъ уже вышли до 1-мая 1891 года.

Затѣмъ дальнѣйшія біографіи выходятъ по четыре въ мѣсяцъ. Для того, чтобы публика могла легко слѣдить за выходомъ новыхъ книжекъ вышеупомянутой библіотеки, издатель ея, Ф. Павленковъ, будетъ ежемѣсячно посылать справочныя объявленія о поступившихъ въ продажу біографіяхъ во всѣ книжные магазины Европейской и Азіатской Россіи.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (Спб., Гештуковъ пер., № 2). **Цѣна каждой книжки 25 к.** Все изданіе будетъ закончено въ 1893 г.